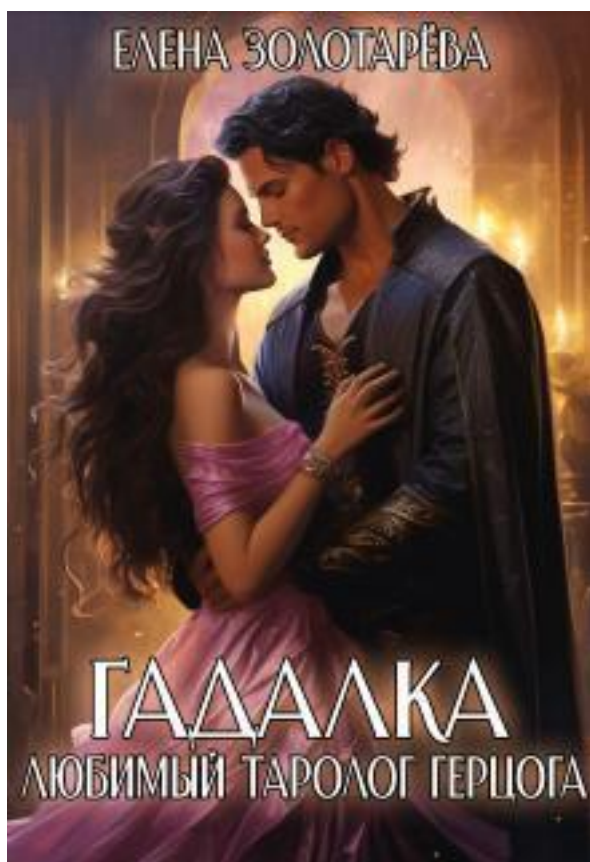

ЕЛЕНА ЗОЛОТАРЕВА

ГАДАЛКА

ЛЮБИМЫЙ ТАРОЛОГ ГЕРЦОГА

Елена Золотарева

**Гадалка. Любимый
таролог герцога**

«Литнет»

2023

Золотарева Е.

Гадалка. Любимый таролог герцога / Е. Золотарева — «Литнет», 2023

Его любовь была единственным, что держало меня в чужом мире, в который я случайно попала несколько лет назад. Счастливый брак, мечты о будущем, о детях... все это разбилось вдребезги в тот миг, когда я увидела его в постели с другой. Мой мир обратно меня не принимал, а в этом я не захотела оставаться сама и решительно шагнула в пропасть. Но у судьбы были свои планы. Теперь я знаменитая гадалка, очередь к которой расписана на месяцы. И однажды в моем магическом салоне появляется ОН. — Что с моей женой? — хрипло чеканит герцог, а я молю богов, чтобы не узнал. И чтобы ему на глаза не попались мои дети... потому что и сын, и дочь похожи на него как две капли воды.

Содержание

1. Что с моей женой?	5
2. Я хочу домой	8
3. Помяни мое слово	11
4. Сплетни	15
5. Внезапные решения	20
6. Улов	23
7. Сближение	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

1. Что с моей женой?

По влажной после вечернего дождя тропинке иду к домику, что значится моей приемной. Именно там на границе имения в остатках крепостной стены, примыкающей к лесу, я читаю человеческие судьбы.

Я – гадалка из Бедивира, и мои предсказания настолько точны, что меня знает весь Свет. Колода, которая попала в этот мир вместе со мной, не раз выручала. Потрепанные картонки сделали меня желанной подругой для светских особ, и я ныряю в эту дружбу, надеясь, что погружение в чужие жизни избавит меня от мыслей о прошлом. Через меня проходит столько судеб, что моя уже не кажется такой тяжелой, и постепенно память о предательстве любимого мужа стирается.

— Гость прибыл, моя госпожа.

Поджигаю последнюю свечу и задуваю лучину. Оборачиваюсь на голос помощника и вижу в его глазах смятение. Он стоит, вытянувшись по струнке, и только кадык ходит вверх-вниз.

— Так пригласи его. Я готова, — осматриваю свою крохотную приемную и удовлетворенно улыбаюсь. Чтобы гости оставались инкогнито, пришлось выбрать именно это место на окраине моего имения – удобные подъездные пути и безлюдный лес – лучший способ скрыться от посторонних глаз. Низкий каменный мешок я украсила темно-красной бархатной тканью, на стены повесила большие зеркала в дубовых рамах, а перед ними расставила свечи. Магического шара нет, зато имеется алтарь, где я храню свою драгоценность – карты таро. Каждый день я приношу сюда живые цветы, поэтому запах сырости едва ли слышен за ароматом роз и олеандров. К тому же, я часто жгу благовония в металлической чаше с разогретыми камнями. В общем, атмосфера здесь загадочная, как и полагается магическому салону.

— Но... — Тэо подбирает слова, а я пытаюсь понять, что так встревожило моего верного слугу. Чтобы выбить его из колеи, надо сильно постараться. Когда он состоял на службе у герцога, именно смекалка и хладнокровие считались его главными достоинствами. Что ж, видимо, время и его не щадит.

— Снова нападение на рыбаков? — предполагаю я, зная, что случаи разбоя на озере, принадлежащем баронству, участились.

Помощник нервно мотает головой и беззвучно открывает рот, пугая своим странным поведением.

— У меня нет времени столько ждать! — доносится тихое грубое рычание, и тяжелая портьера отлетает в сторону, являя передо мной высокого мужчину в монашеском плаще с капюшоном. Хоть бы потолок не снес своей макушкой, да в дверном проеме не застрял – плечико, вон, какие огромные!

Прочищаю горло и приглашаю гостя к низкому столику, на котором делаю расклады своим посетителям. Тот в несколько шагов пересекает пространство полутемной комнаты и садится на крошечную табуретку, расставив ноги в стороны.

— Начинайте, — приказывает он и прикрывает рот, заходясь сухим кашлем.

— Тео, принеси гостю горячего вина со специями! — прошу я и, взяв колоду с алтаря, иду на свое место.

— Вы лекарь? — снова рычит демон, переодетый в монаха, и нотки его больного голоса кажутся знакомыми.

— Нет.

— Вот и занимайтесь тем, что умеете. Я плачу вам за предсказание, а не за... — замолкает он, пытаясь подавить очередной приступ кашля.

— Как скажете, господин, — собираюсь я, отмечая, что таких грубиянов в моей карьере гадалки еще не встречалось. Хотя, возможно, у него жар, поэтому такой злой? — Может, все-таки чаю с чабрецом? — не выдерживаю я и напарываюсь на раздраженный выдох.

Захлопываю рот, ругая себя за то, что лезу не в свое дело. И действительно! Платят мне за расклад, чего со своим чаем пристала?!

Достаю карты из аметистовой шкатулки и чувствую дрожь в руках. Нервозность моего клиента передается и мне. Перемешиваю колоду, стараясь не смотреть на мужчину, зато на себе отчетливо ощущаю его тяжелый требовательный взгляд. Знала бы, что придется иметь дело с таким суровым бирюком, не согласилась бы его принять.

— Какой вопрос вы хотите задать картам? — нейтральным тоном говорю я, чтобы не дай бог, не взбесить этого буку еще сильнее.

— Что с моей женой? — хрипло чеканит он, а меня пробирает до мурашек. Ну как же знаком голос! Только вот ниточку уловить не могу.

Я киваю, что поняла, и снова перемешиваю карты, на этот раз, чтобы войти в медитативное состояние, ибо от присутствия мужчины меня штормит и колотит.

Гость сидит неподвижно, будто хищник перед рывком, и это сильно мешает сосредоточиться. Когда у меня все же получается хоть немного остановить поток мыслей, я понимаю, что не попросила самого главного.

— Вы не могли бы снять капюшон?

— Зачем это? — фыркает он, как большой дикий кот.

— Я должна увидеть ваши глаза. Они — проводник к душе. А душа знает все ответы.

Ничего не отвечая, он одной рукой смахивает с себя кусок темно-коричневой ткани, и меня невидимой кувалдой бьет по темени.

Это лицо навечно высечено в моей памяти. Морщинки на широком лбе, густые шелковые брови, почти черные глаза, кажущиеся хмурыми из-за нависшего века. Прямой нос с небольшой горбинкой и шрамом, крупные, твердые губы, широкие скулы, и густая поросль щетины, четко повторяющая очертания нижней челюсти.

Пробегаюсь взглядом по длинным волосам, забранным от висков назад, отмечая, что они блестят так же, как и прежде, вот только кончиков не видно из-за плаща. Как сейчас помню, что они немного выются.

Медленно прикрываю веки, но открыв, вижу тоже самое. Передо мной сидит герцог Алгарский. Человек, что предал меня, изменил и растоптал нашу любовь. Мой муж, мой любимый мужчина и отец моих двойняшек. Изменщик, от которого я сбежала, инсценировав свою смерть. Роуланд.

Сердце взрывается, разлетаясь на части, и я чувствую, как его осколки вонзаются в кожу, причиняя невыносимую боль.

Нет! Не верю! Неправда!

Из заледневших пальцев карты рассыпаются по синему бархату, и несколько из них успевают перевернуться.

Тройка мечей и десятка мечей яркими пятнами ложатся перед кверентом. А Шут улетает на пол к моим ногам.

Плачущее сердце, пронзенное мечами, и бездыханное тело, раскинувшееся на дне ушеля, красноречиво говорят о том, что произошло со мной в ту ночь, когда я решила покончить с этим кошмаром. И герцог прекрасно понимает, что карты не лгут, хоть на лице маска отрешенности.

Никак не решаюсь истолковать выпавшие карты, но как только набираюсь сил и пытаюсь выдавить из себя хотя бы звук, герцог встает, пугая своим ростом и мощью.

Покручивая, он снимает с мизинца перстень с желтым сияющим камнем и бросает поверх карт.

— Меня здесь не было, — эхом звучит в моей голове.

Вместо ответа закрываю глаза, а когда открываю, его уже нет. Как мираж исчез. Оставив после себя лишь едва уловимый запах кожаных сапог, перстень с желтым бриллиантом. И меня с разбитым сердцем.

Наклоняюсь за упавшим «шутком» и поднимаю с каменного пола карту – символ моей новой жизни. Нулевой аркан. Начало начал. Шаг в неизвестность с верой в лучшее будущее. И именно этого герцог не увидел. Ну и слава небесам! Для него я должна быть мертвой.

Любимые мои! Приветствую вас в новой чувственной истории о любви, которой не страшны испытания. Настоящая сказка о любви, о магии и чудесах. В общем, обо всем, что мы, девочки, так любим! (Без ложки дегтя никуда, но герои с этим справятся! Так что Хэппи Энд гарантирован)

Бросайте звездочку в копилку вдохновения автора, ставьте сердечко в комментариях, и полетели!

2. Я хочу домой

На негнушихся ногах выхожу на свежий воздух и пытаюсь вдохнуть. Не получается. Нервно ищу концы шнурков и дергаю их, желая скорее освободить себя от оков корсажа. Тщетно. Оттягиваю от шеи плотную ткань платья и, наконец, влажный ночной воздух врывается в легкие. Не могу надышаться! Будто снова стою на краю пропасти, в которую шагнула семь лет назад.
 — Уехал, — докладывает Тэо, поглаживая меня по спине. Мой старый друг всегда был добр ко мне, и сейчас его искренняя забота успокаивает.
 — Почему не предупредил?
 — Я сам понял лишь, когда увидел шрам на его пальце. Хотя мог бы догадаться по количеству монет, которые он заплатил, чтобы попасть в вас без ожидания.
 — Думаешь, он не узнал меня? — трогаю лицо, которое стало совсем иным. Я не та женщина, которую он знал, моя внешность далека от той, что была прежде.
 — Вас трудно узнать, госпожа моя. Взгляд и тот совсем другой стал, — Тэо незаметно подталкивает меня к дому.
 — Но ты же смог.
 — Я – другое дело, госпожа. Кто не был в нашей шкуре, вряд ли поймет.
 Обнимаю себя руками и с тоской смотрю в ночное небо. Тэо прав. Он так же как и я попал сюда из другого мира, и кому как не попаданцу знать, каково это, проснуться в новом теле.
 — Не волнуйтесь! Не думаю, что он заподозрил, — Тэо открывает двери дома и заводит внутрь, — ложитесь спать. Как вы там говорите, утро вечера мудренее.
 — Уснешь тут.
 — Настоячку снотворную выпьете? — не дожидаясь ответа, бежит к буфету в малой гостиной и достает графин из темного стекла.
 — Давай свою настоячку. Литра два!
 — Ладно вам, — наливает крошечную рюмочку, которую и в руки-то взять страшно.
 Задерживаю дыхание и опрокидываю горькую жгучую жижу в себя. Кривлюсь от пробивающего до костей вкуса травы, но жар, мгновенно разливающийся по венам, и правда ослабляет.
 На ватных ногах плетусь в спальню и обессиленная сажусь на кровать.
 — Вот и хорошо, — надавив на плечи, Тэо укладывает меня на подушку, и накрывает пледом, — а завтра новый день наступит. И покажется, что приснилось все. Спокойной ночи, баронесса.
 Да. Я уже не Аня Власова. И не герцогиня Алгарская. Теперь я вдовствующая баронесса Анна вон Ирвинг, гадалка из Бедивира.
 — Спасибо, Тэо, — закрываю глаза и чувствую, как горячая слезинка катится по виску.
 За долгие семь лет этот день мне не снился ни разу.
 Я должна была вернуться домой через два дня, но любовь к супругу и желание поскорее увидеть его лицо, прижаться и уснуть вместе в нашей постели, решило за меня. Оставив слуг и сундуки с вещами позади, я взяла лишь несколько воинов из охраны, и приказала мчать без отдыха обратно в замок. Мы останавливались лишь для того, чтобы перекусить и заменить лошадей, и передвигались даже ночью, потому что этот отрезок пути пришелся на отличную дорогу вдоль крупного города.
 Вдохновленная предсвадебным девичником дальней родственницы супруга, я представляла, как неожиданно появлюсь в спальне мужа вся в белом, как невинная невеста, и с какой страстью он набросится на свою Энни.
 Прибыв в крепость, не дожидаясь, пока меня встретят, я понеслась к заднему входу в дом, откуда путь к нашим покоям был самый короткий.
 — Ну что вы, милорд! Я же не такая! — слышалось откуда-то сверху, и я замерла, прислушиваясь.
 Тихий стон и следующий за ним залихватистый смех девицы в ночной тиши звучали слишком громко. «Наверное, камердинер с кем-то из служанок развлекается,» — подумала я, и тихо вошла в дом.
 Взлетела по каменным ступеням, подобрав юбки, на носочках побежала по коридору и тихонько толкнув тяжелую дверь покоев, скользнула внутрь.
 Диванчик, стоящий посреди гостиной, был немного сдвинут с места, а подушки сброшены. Несколько пустых бутылок из-под игристого вина Кольбер лежали на полу в компании опрокинутых бокалов, винограда... и женских подвязок.
 Мой разум будто отделился от меня. Полная тишина в мыслях и замедленное бие-ние сердца, готового вот-вот остановиться. Это ведь наша спальня! Моя и моего мужа!

Оглушенная и немая, я стала пробираться между уликами неверности моего супруга к приоткрытым дверям спальни, из которой доносились ритмичные стоны. Он лежал на кровати, даже не раздевшись. Наверное, так сильно спешил изменить мне с другой женщиной. А сверху сидела она. Леди Луиза, дочь покойного графа Кольбер. Девушка, приходившая в наш дом, чтобы найти утешение в общении со мной после кончины отца. Ее белокурые волосы струятся по плечам. Она руководит руками герцога, держа их за запястья, и медленно ведет по себе, пока они не накрывают вздернутую грудь с торчащими розовыми сосками. Они так увлечены, что не замечают меня, а я стою, будто вросшая пятками в дерево паркета, и не могу ни уйти, ни даже закрыть глаза. — Роул! — стонет она и ложится на него грудью, — любимый! Имя супруга, произнесенное чужой женщиной, режет слух. Я сворачиваюсь в клубок, пряча голову, закрывая уши от ее криков и его стонов. Не глядя под ноги, иду вниз, а внутри меня металл и холод. Зачем боги отправили меня в чужой мир? И боги ли? Почему меня вырвали из родного места, где меня любили, и швырнули черт знает куда? В место, которого не было ни на картах, ни в школьных учебниках истории? Зачем я выжила в нем, освоилась? Для чего влюбилась, вышла замуж? Иду, не разбирая дороги. Молчу, сцепив зубы. Лунный свет указывает путь, и я как под гипнозом, послушно бреду в его лучах. В голове пустота, и лишь, когда из-под ноги отскакивает камень, понимаю, что стою на краю скалы. «Это шанс вернуться домой!» — звучит в моей голове, и я улыбаюсь. Почему-то вспоминаю, как мама зовет к праздничному столу есть торт, а папа восторженно озвучивает оценки, что стоят в моем красном дипломе. Как они там? Целых три года прошло! И теперь я, наконец, их увижу! Я настолько уверена, что от моего родного мира меня отделяет единственный шаг, что готова зажмуриться и прыгнуть, но меня будто держат невидимые путы. «Роул не хочет отпускать», — тешу себя надеждой, но боль в сердце это не заглушает. Сбрасываю кейп, на котором вышиты наши с супругом инициалы, чтобы не тяготил, и, закрыв глаза, делаю шаг в бездну. Подрываюсь на кровати, словно кто-то меня встряхивает. Вижу, что я в своей комнате, а не на дне ущелья, но сердце продолжает колотиться, не желая успокаиваться. Не могу отдышаться и тянусь за графином с водой, пью прямо оттуда. — Мама! — Мама! Две кудрявые головки протискиваются в приоткрывшуюся дверь и, убедившись в том, что я проснулась, дети вихрем врываются в спальню. Прыгают на кровать по обе руки от меня и дарят свои искренние объятия. Перебираю пальцами мягкие волнистые волосики и по очереди целую ароматные макушки, пахнущие булочками с сахаром. Вот оно счастье, которое я заслужила. Наверное, именно эти две души не позволили вернуться в мой родной мир, ибо они уже росли внутри меня в ту злосчастную ночь. Ритуал «утренние обнимашки» священен в нашей семье и может затянуться на час, а то и больше, но сегодня я встревожена и то и дело пропадаю в собственных мыслях. Мне нужно побыть наедине с собой, поэтому через несколько минут отправляю детей переодеваться к завтраку, а сама иду принять ванну. Снимаю вчерашнее платье, в котором так и уснула, заливаю в пустую ванну и ковшом зачерпываю воду из деревянной кадки. Холодные струйки бодрят и освежают, но смурное настроение не исчезает. Что ж, наверное, не так просто встречаться с призраками прошлого. Промакнув тело грубым полотенцем, встаю у зеркала в полный рост и смотрю на свое отражение. Роуланд вряд ли узнал во мне свою Энни. И это плюс. Но есть и минус: он ищет. Густые каштановые волосы с легкой волной, маленькие серо-зеленые глаза с длинными ресницами, круглое лицо и мягкая, женственная фигура. После того прыжка я каким-то чудом вернула свое прежнее тело и стала похожа на мать, а вот мир меня не отпустил. Я переживала, как все это отразится на моих малышах, что я носила под сердцем, но, когда на свет появились две абсолютно здоровые крошечные копии своего отца, благодарно выдохнула. С малышами все в порядке, а я... я, как обычно, все выдержу! Спускаюсь в столовую и с благодарностью улыбаюсь портрету человека, благодаря которому у меня есть дом. Сегодня это чувство особенно сильно. С моим почившим мужем мы познако-

мились в приюте, куда меня в лохмотьях, голодную и испуганную привезли его рыбаки. Они выловили меня в реке, и не отпустили, даже тогда, когда я кляла их на чем свет стоит, а все потому, что их хозяин барон велел всех чудаков и умалишенных везти в специальное место.
 «Я хочу домой!» — стенала я денно и ночью, когда поняла, что план не сработал. А, когда в приюте появился барон Артур вон Ирвинг, все стало на свои места. Он-то и привел меня в чувства, отнесся ко мне со всей добротой, что теплилась в его душе.
 Оказалось, что давным-давно, его сын бесследно исчез. Поиски были безрезультатны, даже следов юноши не нашли. Тогда отчаявшись найти сына усилиями воинов, он обратился к ведьме. А та и рассказала о том, что их мир не единственный и параллельно ему существуют другие, и, скорее всего, его сын попал туда. Потеряв веру в возвращение ребенка, Артур построил приют, чтобы помогать путешественникам между мирами, в надежде, что и его сына не оставят в беде.
 Когда мы встретились, барону было шестьдесят. Он относился ко мне как к дочери и уже было хотел объявить незаконнорожденной, но я узнала о том, что беременна.
 — Анна, люди осудят, — по-отечески обнял меня он, — а вот если поженимся, детки в браке родятся. Тогда никто не сможет объявить их бастардами. Да и баронство будет на кого оставить, уж лучше вам, чем братцу моему, — он погладил мой большой живот и грустно улыбнулся.
 Так и поступили. Брак был формальным. Как благородный человек, Артур ни разу не претендовал на мое тело, и продолжал считать меня своей дочерью.
 Двойняшки родились раньше, чем прошли девять месяцев со дня свадьбы, но подозрений это ни у кого не вызвало, потому что такие дети часто рождались недоношенными. От кого мои дети Артур никогда не спрашивал. Да и недолго мы с ним прожили. Спустя полгода после их рождения, он умер, оставив нам неплохое наследство. Так началась моя очередная новая жизнь, из старого в которой осталась лишь колода карт.

3. Помяни мое слово

Во время завтрака замечаю горящий взгляд Тэо. Его трясет от желания скорее поделиться со мной новостями, но управляющий стойко терпит, пока дети с лицом великомучеников закончат размазывать кашу по тарелкам, тайком набивая рты вчерашними рогаликами с яблоком.
Отпускаю страдальцев из-за стола, и те со счастливым визгом уносятся прочь из столовой. Через пару секунд понимаю, что их путь пролегал через комод с медными тазами, ибо грохот, который разносится по дому, других вариантов не оставляет. Ну или они снова врезались в Розу, нашу кухарку.
— Мы живы! — доносится голос Лео, и я выдыхаю. Наше обычное утро.
Тэо крестится, как это было принято в нашем мире, и дождавшись, когда дети покинут пределы дома, мелкими шажочками бежит ко мне.
— Теперь ясно, каким ветром к нам принесло супруга вашего!
— Не называй его так! — нервно берусь за чайник, хотя пить я не хотела.
— А как еще? По сути, супруг... — не успокаивается Тэо.
— Почивший барон мой супруг! А этот... — подвигаю к себе блюдо с выпечкой и с тоской думаю о том, что только вчера я смогла влезть в старое платье. Что ж... заедать стресс сладким — моя вредная привычка. Но лучше уж так, чем свихнуться. — Так что там, какие новости?
Делать вид, что мне не интересна жизнь Роуланда, лгать самой себе. Да, я уже не думала о нем каждую минуту, не ревела ночами в подушку от боли, не всматривалась в лица детей, чтобы увидеть в них его... Но все равно очень глубоко в душе я помнила. И, конечно же, ждала, что в один прекрасный день услышу о том, как он опечален моим уходом. Но новости о бывшем супруге обходили меня стороной. Слишком далеко я оказалась от места, которое считала домом.
— Герцог наш, оказывается, давно на Алгарские земли глаз положил. Ведь как говорится? У соседа и трава зеленее! Значит, подготовил он восстание против мужа ваше... — Тэо спотыкается на неверном слове, — против Роуланда то есть. Интригу сплел знатную! Замешаны там оказались и королевские, и знать местная...
— Роуланда переиграть решил, значит, — горько ухмыляюсь я, вспоминая, что это мало кому удавалось.
— Так вот. Пошел он войском на Алгар, а Роуланд его и разбил прямо на границе. В замке своем змей одну за одной потравил, а всех соучастников суду сдал. Не с тем связались! — торжественно выкрикивает Тэо.
По старой памяти бывший управляющий замком герцога Алгарского восхваляет несокрушимого хозяина, который не оценил преданности старого слуги и обошелся с ним так же, как со мной.
Когда я исчезла, Луиза быстро объявила себя хозяйкой замка и избавилась от Тэо, поставив на место управляющего своего человека. Роуланд не сказал ей ни слова, лишь равнодушно кивнул, и старику ничего не оставалось, как покинуть герцогство и отправиться на поиски нового дома. Благо письмо с рекомендацией Роул все-таки дал.
Мы встретились с ним случайно. Он остановился на постоялом дворе у границы моих земель, а когда лег спать, ушлые хозяева сдали постояльца шайке разбойников, что промышляла воровством. Те забрались в его комнату, избили старика, а деньги и драгоценности, заработанные на службе у герцога, отобрали.
В ту ночь я была поблизости — латала ребят после нападения на рыбацкую деревушку. И как только узнала о том, что и бывший слуга герцога Алгара при смерти, рванула туда.
Поначалу он меня не узнавал. Я представилась Анной, вместо привычной Энни, к тому же внешность моя изменилась. Из светло-русой я превратилась в шатенку, стала на полголовы ниже.
Узнав, что Тэо шел попытать счастья на службе у короля, я предложила ему остаться. Решив, что на его век достаточно интриг и склок, он с удовольствием согласился на должность управляющего моим крошечным баронством. И спустя пару лет, когда Тэо подолгу вглядывался в лица наших с герцогом детей, я решила ему признаться.
Тэо только улыбнулся, и сказал, что догадывался об этом с самого начала. С того самого дня, когда я впервые появилась в доме герцога.
— Рыбак рыбака видит издалека, — всплакнул он, и дальше поведал свою историю, в которой

проснулся в параллельной реальности.
 С тех пор мы и живем вместе. В чужом мире, не в своем времени.
 — Говорят, последние годы Роуланд на людях совсем не появлялся. Все вопросы через доверенных решал. А сплетни, сами знаете, с какой скоростью плодятся. Чего только не болтали о нем, вот и решил герцог Бедивирский счастья попытать.
 — Так что же это, Бедивир теперь тоже Роуланду принадлежит?
 — Ох, Анна! Дорогая моя, милая девочка! Не убежишь ты от него... Сама судьба сводит.
 — Это ты мне как оракул пророчишь? — усмехаюсь себе под нос.
 — Думай, что хочешь, но помяни мое слово! Неспроста все это.
 Несколько дней я ловлю на себе печальный взгляд Тэо. Он будто пытается мне внушить какую-то мысль, а после разочарованно вздыхает и уходит, опустив голову. Как же меня раздражает подобное поведение! Тут самой тошно, а еще и он масла в огонь подливает! И в конце концов я не выдерживаю.
 — Тэо! Может хватит? — рявкая, выливая отвар полыни на раскаленные камни. Пар шумно взлетает к потолку идеально иллюстрируя мое состояние, — чего ты хочешь от меня?
 — Аннушка, милая! Поговорить вам надо! — без промедления выдает он, пытая меня щенячьими глазами.
 — О чем? — взрываюсь я, со всей силы встряхиваю скатерть со столика для гаданий. Ко мне вот-вот клиент придет, а я в полном раздрае, — что я ему скажу? Вот она я? Твоя жена?
 Ладонями касаюсь тела, которое абсолютно незнакомо Роулу, и чувствую, как подбородок дрожит от подступающих слез.
 — Или сразу отвесить ему пощечину, может быть? Припомнить, как он поступил со своей женой, о которой теперь вдруг вспомнил?
 — А он и не забывал! — повысил голос Тэо, пытаясь надавить.
 — Тебе-то откуда знать?
 — Ну стал бы герцог, не верящий в астрологию и гадания, идти к тарологу? Он ищет любой шанс.
 — А может, он ищет подтверждения, что жена мертва, чтобы жениться на графине? Тело ведь не нашли, только кейп у обрыва. Не дают ему согласия на брак, вот и засуетился твой герцог!
 — Так запрет ведь на брак с дворянками. Указом короля. Разве запамятовали, баронесса?
 Замолкаю и чувствую, как в голове начинает звенеть. И то верно. Королем давным-давно запрещено дворянам жениться друг на друге. После того, как один за одним стали рождаться больные дети, кто-то подсказал королю, что это возможно из-за кровосмешения. И высочайшим указом было велено разбавить кровь, найдя порядочных девушек, способных обучаться и не позорить высшее сословие. Так и я, помощница аптекаря стала женой герцога.
 — Луиза не стала бы что-то делать просто так. Она все просчитала. И, если осталась с ним, значит надеялась на брак, — пытаюсь снова найти объяснение произошедшему.
 — Вот и узнайте. Войдите в доверие, подружитесь... А там, глядишь и...
 — Тэо!
 — Что такого? У вас дети! Без отца, вон, растут!
 — Тэо...
 — С утра обоз с рыбой к герцогу отправляется. С ними и поезжайте, вроде как проконтролировать лично. А там...
 Вздыхаю и уже спокойно расправляю скатерть. Тэо знает, на какие точки надавить. Скольких усилий мне стоило удерживать себя на месте, и не пойти в дом Роула на следующий же день, одному богу известно. А теперь... будто разрешение получила. Чувствую себя полной идиоткой, не способной контролировать свои желания, удовлетворив которые, совершенно точно пожалею. Будто предохранитель перегорел, и стопов теперь нет. Оправдываю себя лишь тем, что мне надо убедиться, что он такой же негодяй, а потом мне станет легче.
 Спешу поскорее выпроводить маркизу, пытающую меня второй час на предмет наличия любовников у ее невестки, чтобы лечь спать пораньше и свежей и румяной появиться в замке герцога Алгарского и теперь Бедивирского.
 С рассветом наш обоз с провизией выезжает в замок герцога, и когда вижу высокие каменные шпили, понимаю, что мне очень нужно назад, домой. Чувствую себя глупой, потому что повод, который я придумала, самый идиотский на свете – вернуть перстень, который он оставил за молчание. Но деваться некуда, стражи уже заметили наш обоз и открывают замковые ворота. Остается молиться, чтобы Роул проспал все то время, что крестьяне будут выгружать провизию, и наша встреча не состоялась.
 Пока работники суетливо перекладывают рыбу, прикидываюсь ветошью, забиваюсь в уголок, усевшись на кадки с соленьями, и наблюдаю, как

местные кухарки флиртуют с моим молодым конюхом. Улыбаюсь, видя, как ему неловко принимать их пирожки и размышляю, как бы он вел себя с ними, не будь меня здесь.
 Как только женщины переключаются на работу и начинают отбор лучшей рыбы ко столу герцога, Елай идет ко мне и вручает ароматный пирожок с малиной, смущенно опуская глаза. Понимаю, что повышенное внимание ему непривычно, и я служу прикрытием.
 — Спасибо! — откусываю румяный край и тут же давлюсь от ревнивого взгляда черноокой девицы, что этот самый пирожок пекла.
 Закашливаюсь до слез и слезаю с кадки.
 — Пойду водички выпью.
 Ухожу, провожаемая беспокойным взглядом парня, которого я снова оставила на растерзание поварихам. Сами пусть разбираются.
 Во внутреннем дворе суета, и я здесь совершенно точно лишняя. Сотый раз жалею, что решила приехать, и понуро плетусь вдоль домово́й стены, ища укромное место, где можно было бы переждать пару часов до отправления обоза. Может, даже вздремнуть удастся.
 Но планы мои идут крахом, когда мимо меня проходят строители, несущие леса, и вскоре тишина сменяется звуками топора и пилы.
 Хожу, как не прикаянная, вокруг огромного дома, наблюдая, как, то здесь, то там ремонтируют стены, дорожки, высаживают деревья и намыывают окна. Герцог наводит порядки в новом доме, здесь нет места для меня. Желание скорее убежать отсюда растет с каждой минутой.
 Когда, наконец, нахожу безлюдное местечко, присаживаюсь на свежий пенёк, вокруг которого еще не убрали щепки, и отчаянно запихиваю в рот половину пирожка. Чтобы я еще раз повелась на уговоры Тэо?! Да никогда в жизни!
 Нервно жую, вкладываю в это действие всю свою злость, но как только краем глаза замечаю движение, застываю. Поднимаю глаза к окну второго этажа, которое я даже не заметила, и сквозь распахнутые створки вижу обнаженную женщину, приглаживающую растрепанные волосы. А когда та поворачивается полубоком, узнаю в ней шлюху, что обслуживает дворян, в надежде понравиться настолько, что ее возьмут замуж.
 Пирожок застряет в горле, с каким бы усилием я не пыталась его проглотить.
 Эта Эльма часто заходит ко мне, погадать на очередного графа, и буквально на прошлой неделе она снова была у меня, интересуясь, есть ли у нее шанс забеременеть от очередного господина. И теперь становится ясно, кого именно она имела в виду.
 То, что в ту ночь карты ответили «нет» меня не волнует. Сейчас важно то, что герцог не меняет своих традиций и развлекается с хорошенькими женщинами, а об Энни своей не страдает. Впрочем, я же для этого сюда приходила. Мне нужно было узнать, скучает ли он. Вот и ответ. И откровение карт о том, что в его сердце другая, кажется сущим бредом. Ведь как можно спать с разными женщинами, когда любишь одну единственную?
 Желание отомстить Луизе возникает сразу же. Пусть теперь и она почувствует себя брошенной и ненужной, как я в ту ночь. Наверняка, сидит и ждет Роула в их замке в Алгаре, и даже не подозревает, что за ним идет охота. Но сразу же отмечаю план запоздалой мести. Мне не должно быть дела до них! Пусть делают, что хотят, это больше не моя жизнь.
 Невольно мажу взглядом по окну и тело прошибает неконтролируемой дрожью. Роул.
 Хотя бы не заметил!
 Я подрываюсь с места и убегаю прочь, мысленно умоляя бога, чтобы обоз уже был готов отправиться обратно. Когда половина пути за плечами, снова замечаю движение где-то сверху, и вижу Роула, стоящего на каменном мостике, соединяющем смотровые башенки.
 Пару секунд мешкаю, не понимая, что делать дальше, но он решает за меня. Легко перемахивает через перила и спрыгивает с высоты второго этажа, оказываясь прямо передо мной.
 Взгляд упирается в вырез белоснежной рубашки, смуглую атласную кожу и поросль темных волос на груди. Свободный крой подчеркивает широкие плечи, сильные руки. Рубашка не заправлена, видимо, штаны он натягивал наспех. А может, и не снимал их вовсе... ведь их наличие не мешает брать женщин.
 Роул выглядит слегка небрежно и пьяно, как в подтверждение моим мыслям о том, только что он занимался сексом, и я до боли сжимаю челюсти, чтобы губы не дрожали от обиды.
 Ему тридцать семь... возраст ему к лицу. За то время, что мы не виделись, Роул стал еще привлекательнее. Его грустный немного суровый взгляд придает таинственности. Подчеркнутая мужественность пробуждает

врожденное желание женщины подчиниться и трепетать от каждого движения, наполненного силой и величием. Что ж, я понимаю и Луизу, и Эльму, и остальных.
 О том, что я обязана поприветствовать герцога, вспоминаю спустя полминуты молчания. Неуклюже присаживаюсь на негнущихся ногах, а перед глазами плывет. Я дышу еле-еле, что уж говорить о поклонах.
 Сердце заходится, и от волнения я забываю все слова, которые хотела сказать Роулу, если мы все же встретимся. И вот мы друг напротив друга, а я не могу вымолвить ни слова.
 — Вы что здесь делаете? — он заинтересованно опускает голову на бок, чтобы ему было удобнее смотреть мне в глаза.
 — Я... — от его голоса по телу бегут мурашки. Я не могу справиться с нахлынувшими эмоциями. Внутри меня все клокочет, но выразить свои мысли не получается.
 Отшатываюсь назад, чтобы вырваться из плена опьяняющего аромата его тела, и наконец, могу отвести взгляд. Пялюсь на выщербленную дорожку, поросшую сорной травой, и чувствую, как самообладание возвращается.
 — Прошу прощения, мой лорд. Я сопровождала обоз с рыбой и искала тихое место, где могла бы отдохнуть после дороги, — выдаю на одном дыхании, смотря в пол.
 Роул добивает своим молчанием, потому что я не понимаю, что делать дальше. Убежать? Спросить о погоде? Поинтересоваться, не нужна ли помощь в строительстве? А может, предложить поделить дюжиной кошек, справляющихся с ловлей крыс?
 Заливаюсь румянцем и часто дышу, когда замечаю на своей груди его взгляд.
 Мой кафтан, наглухо зашнурованный до подбородка, не дает волю мужской фантазии. С той девицей в окне мы как ночь и день. Мой рост намного ниже, грудь, выкормившая двоих детей, не так упруга и не торчит миленькими треугольничками. В отличие от полупрозрачной шлюхи, морящей себя голодом, у меня есть немного лишнего веса, равномерно распредившегося по телу. Благодаря естественным изгибам это смотрится красиво, но не вписывается в здешние стандарты красоты.
 Понимание того, что больше я ему не интересна, немного отрезвляет. Я должна осознать, что он не мой Роул, да и я не Энни, которая могла бы высказать мужу претензию. Даже если и решусь, меня сочтут за сумасшедшую, и толку от этого порыва будет ноль.
 Сила внезапно возвращается в тело, и я делаю шаг назад, чтобы еще больше увеличить расстояние между нами. Стоит оказаться в зоне недосягаемости его жара, и я уже не так волнуюсь.
 — Но, на самом деле, хотела вернуть вам кое-что... Вы оставили, — снимаю с пальца болтающийся перстень, развернутый камнем внутрь, и на раскрытой ладони протягиваю Роулу. — Ни к чему. Прием и без того стоит немалых денег. А здесь целое состояние.
 — Я посчитал нужным, — спокойно отвечает герцог, с интересом рассматривая мое лицо, будто ищет в нем знакомые черты. Или мне так кажется...
 — Но...
 — Хотите оспорить? — на губах едва уловимая усмешка.
 — Нет, — коротко отвечаю, понимая, что смысла продолжать нет, — еще раз извините.
 Герцог делает шаг ко мне, поднимая руку, чтобы коснуться меня, но я не хочу думать о том, для чего. Я быстро присаживаюсь и уношу ноги от него подальше. Обегаю препятствия в виде мешков и кучи камней, и до момента, как скрываюсь за стеной, чувствую на спине его взгляд.
 Какого дьявола меня принесло сюда?!

4. Сплетни

После того утра прошло уже несколько дней, а мы с Тэо до сих пор не разговариваем. Он прекрасно выполняет свою работу управляющего, особо важных дел, требующих моего участия, нет, а желание обсуждать личные темы у него было отбито одним лишь взглядом. Зная мой характер, Тэо выжидает, когда я остыну и сама захочу все ему рассказать, но в этот раз все намного серьезнее. Трех дней недостаточно, чтобы успокоить бурю негодования. Ее отголоски до сих пор заставляют меня злиться на себя и на Тэо за то, что подтолкнул на столь необдуманный шаг. Я выставила себя полнейшей идиоткой перед Роулом. Больше всего раздражает то, что он мог подумать, что я навязываюсь, нарочно ищу с ним встречи. И убедить себя в том, что ему, скорее всего, плевать и о нашей встрече тем утром он уже забыл, не получается. Отвлечься не выходит, чем бы я себя не занимала, и поэтому решаюсь собрать девичник и провести время в женской компании. Несколько лет назад, когда я только построила баню в своем баронстве, все смотрели на меня как на умалишенную. Особенно изнеженные дамочки голубой крови, не привыкшие к подобным способам ухода за собой. Но постепенно круг почитателей жаркого экстремального отдыха расширился, и теперь мои банные вечера – одно из любимых развлечений у местной знати и тех, кто жаждет к ней примкнуть. А я – как главный аниматор и арт директор, всеми способами пытаюсь разнообразить скучную жизнь без интернета и сериалов. Задний двор моего имения полон обнаженных распаренных девиц всех сословий. Леди и безродные, куртизанки и ученицы школ при монастырях, у меня собираются женщины для того, чтобы провести время в веселой нечопорной компании и поделиться опытом. Веселая непринужденная болтовня, визги из купели с ледяной водой и стоны от массажа дубовыми вениками из парилки – служат идеальным фоновым шумом, чтобы не думать о всяких там герцогах... — ...нужно засунуть туда печень перепелки... а в самый момент погромче вскрикнуть! — раздает советы выдавшая виды графиня молодой девушке, собравшейся замуж за старого маркиза. — А печень перепелки где взять? — с квадратными глазами спрашивает бывшая циркачка, потерявшая свою девственность с лавочником, торгующим коврами. Любви не вышло, а потерянную невинность уже не вернешь... — Лучше поинтересуйся, как поднять то, что давно и безнадежно лежит, — хохочут девушки, знающие об отношениях с престарелыми мужьями все, — а то до перепелки дело не дойдет! Пока одна часть обсуждает нюансы потрошения несчастных птиц, другая делится способами прерывания беременности, случившейся от греха с молодым садовником. Потом беседа плавно перетекает в разговоры о бастардах, а после и вовсе о несчастных бездетных парах, которых небеса не благословили на продолжение рода. Растекаюсь по деревянному креслу, переводя дыхание после холодной купели, и впервые за несколько дней наслаждаюсь тем, что в моей голове нет мыслей. Настой из ароматных трав окончательно погружает меня в нирвану, пустая болтовня усыпляет разморенное тело, но, когда слышу имя своего бывшего мужа, в тело в миг возвращается напряжение. — Анна, разложи на него карты! — И правда! Разложи! Все внимание перемещается на меня, и кажется, что я покрываюсь красными пятнами. — Интересно, у него есть кто-то? — Анна, я оплачу! — томно цедит Эдит, хлопая длинными ресницами, слипшимися от воды, — чтобы узнать тайны вдовца, мне не жаль никаких денег. Тяжело вздыхаю, сцепив зубы. Самообладание дается тяжело. А как все хорошо начиналось... — Еще герцога не хватало похоронить! Забыла, что уже троих мужей в могилу свела? — хохочет Нина, прикрывая простыню пухлую грудь. — Они старые были... — оправдывается женщина, ставшая наследницей трех имений. — Да признайся уже, что сама помогла им! — А если и помогла?! Ты хоть знаешь, каково это со стариком в постель ложиться? — звереет Эдит, явно наметившая новую цель в виде моего бывшего. — Посмотрите, какие мы нежные? Анна вон даже двойню родила от старого

барона, а тебе спать противно!
 — А может, не от барона дети? А? Признавайся, дорогая! — вмешивается стареющая маркиза, у которой за всю жизнь любовников было больше, чем на небе звезд.
 — Не мог ведь старик так постараться!
 — Хватит! — выкрикиваю я, теряя контроль, и тут же понижаю голос, — давайте не будем портить вечер. Подобные слова оскорбляют память моего супруга. И раскладывать карты на герцога я не стану. После вашей болтовни у меня нет уверенности, что эти разговоры не дойдут до его ушей. Еще и в искаженном виде. Хотите, чтобы салон закрыли? — резко перевожу тему. Не хочу, чтобы хоть у кого-то возникло сомнение, что мои дети не родня барону. потому что сходство с герцогом очевидно. И, пока он был вдали, и мало кто видел его вживую, я была спокойна. Но теперь...
 — Нет!
 — Что ты! — Гудят со всех сторон встревоженные девушки, а я с облегчением выдыхаю. Еще бы! Кто же их развлекать будет?
 — Жаль, конечно... Так хотелось узнать о нем правду... Говорят, он совсем одинок... — продолжает Эдит.
 Навостряю уши, надеясь, что окружающим не слышно, как грохочет мое сердце.
 — Ага... король ему девиц обозами шлет, а герцогу все не такие.
 — Может, он в трауре по супруге? Говорят, любил он ее больше жизни.
 — Любил... а что же, по-вашему, эта вертихвостка Луиза делала в его замке три года? Скорбела вместе со вдовцом? — хохочет тощая Мэри.
 — Ждала, что женится! Разве не понятно?
 — Понесла от него даже! — шепотом сообщает Нина великий секрет, — к королю бегала, пыталась уговорить дать согласие на брак, животом перед ним крутила, а когда король сказал, что ради нее не станет менять указ о запрете союзов между дворянами, не раздумывая, избавилась от дитя. Хоть живот уже большой был.
 — Ох!
 — Как она могла?
 — Сказала, что не станет рожать бастарда, и ушла.
 — А что же герцог?
 — Кто его знает... Если отпустил, значит, не так уж и нужна была.
 Под гул в ушах поднимаюсь с места и, не разбирая дороги, плетусь в парилку, чтобы отхлестать себя до слез веником. На пол пути сворачиваю, понимая, что сердце просто не выдержит. Оно и так заходится бешеной скоростью, что аж дышать тяжело.
 Обхожу баню и по шлифованным бревнам сползаю на землю. Ну почему разговоры о нем преследуют меня даже здесь? За что мне такое мучение?
 Слез, как ни странно, нет. Я просто смотрю в одну точку, рассеянным взглядом замечая, как первая вечерняя звезда, появляется на лиловом небе.
 Мысль о том, чем сейчас занят Роул, никак не хочет покидать мою голову. Я представляю, как он стоит у окна и смотрит на ту же звезду, что и я. Думает ли он обо мне? Вспоминает ли? Хотя бы иногда...
 Когда собираюсь с силами и заставляю себя вернуться к гостям, очередной удар в виде появления Эльмы уже не действует на меня. Я просто обреченно вздыхаю, посылая мирозданию вопрос: «Сколько это издевательство будет продолжаться?»
 — Аннушка, милая! — Эльма бросается ко мне с поцелуями, а я задерживаю дыхание, чтобы не уловить запах Роула, исходящий от нее. Уверена, она ублажала его и сегодня ночью, — как только узнала, что ты собираешь девичник, решила, что непременно должна быть!
 — А как же работа? — ерничает одна из девушек, намекая на ночную профессию Эльмы.
 Она не обращает внимания на колкости и быстро стягивает верхнюю одежду с помощью служанок.
 Глазами ищу графин с вином или чем-то покрепче, но на столике только чай. Одним глотком осушаю чашку и жмурюсь, с горечью принимая, что пытка продолжается.
 — Отработала днем! До завтрашнего вечера я совершенно свободна! — язвит девица, намекая, на то, что Роул вымотан.
 Нервно хватаю бочонок с медом, зачерпываю густую тягучую массу и остервенело размазываю по лицу. Моему примеру следуют остальные, считая, что время масок молодости и красоты пришло.
 — И кто же этот счастливчик? — прищуривается Нина, почуяв угрозу.
 — Герцог Алгарский! — отвечает Эльма, гордо задрав нос, будто он ее не услуги ее покупает, а замуж предложил.
 По нашим рядам проходит волна вздохов и придушенных возмущений, а я беззвучно, одними губами выдаю отборные ругательства. Не сиделось мне в тишине... собрала серпентарий.
 Услышав ответ, Нина морщит носик и отсаживается подальше от Эльмы, выказывая свое презрение. Пальчиком оставляет липкие следы на щеках, и отмахива-

ется от мошек, норовящих полакомиться медом.
 — Лжешь ты все! — фыркает, даже не глядя на расфуфыренную девицу, — герцог в трауре.
 — Ну... герцог, может, и в трауре... а вот его член точно нет! — заливается смехом Эльма, а я сжимаю кулаки, подавляя желание врезать ей. От души! Прямо так, чтобы глаз заплыл!
 — И какой он, герцог Алгарский? — словно о божестве шепчет циркачка? — говорят красивый мужчина.
 — Очень! — горделиво выпрямляется Эльма, — сильный, мужественный... выносливый, что немало важно!
 — Тебе-то что, с его выносливости? Неужели думаешь, ты у него надолго? А может, замуж за герцога собралась? Попользует тебя и найдет кого посвежее, — колет Нина.
 — Найдет он... как же! — мгновенно грустнеет Эльма, опускает голову и делает вид, что рассматривает ногти, — такой грубиян... Слова от него ласкового не дождешься. «Раздевайся. Одевайся. Уходи.» Так что, если мечтаете в его постели оказаться, можете не лелеять надежду о романтических свиданиях под луной. Черствый мужлан, — фыркает девица, — но у меня хватит терпения растопить его сердце.
 В кругу слышны шепотки, но гости не решаются откровенно насмеяться над Эльмой, поэтому хихикают, прикрывая лица.
 С благодарностью смотрю на служанку, что приходит отчитаться о том, что дети готовы ко сну, и, сделав вид, что мне срочно нужно к ним, покидаю сборище гиен, мечтающих о постели моего бывшего мужа. Ревную ли я? Вовсе нет! Но хочу придушить каждую, кто хоть словом обмолвится о нем! Потому что ненавижу! Потому что не хочу о нем ничего слышать!
 В камине потрескивают поленья, и я сижу близко-близко к огню, чтобы согреться. Обычно после бани тело горит, но сегодня внутри меня лед, будто я провела в купели не минуту, а пару часов. Тэо молча подает бокал с крепкой настойкой, и я делаю глоток. Терпкая жидкость обжигает горло, и на секунду становится легче, но скоро мое тело снова покрывается невидимой ледяной коркой.
 Хочется закрыть глаза и открыть в тот момент, когда все разрешится. Вот только что для меня «разрешится», сама не могу ответить. Мысль о том, что Роул закончит дела и покинет наши края, отзывается тоской. О том, что какая-то из дам все же охмурит вдовца, словно камнем по стеклу. О том, что судьба дает нам еще один шанс? Эта мысль вызывает лишь горькую усмешку.
 Одним глотком допиваю настойку и поднимаюсь, чтобы уйти, как слышу скорые шаги Тэо.
 — Госпожа моя! — семенит он и подходит близко-близко, — там Эльма. Просит, чтобы вы приняли ее.
 Тэо протягивает мне широкий золотой браслет, усыпанный прозрачными красными камнями, и пожимает плечами, будто извиняясь.
 — Говорит, что ей очень срочно.
 Ничего не отвечаю. Тэо прекрасно знает, что я не принимаю без очереди. И в последний раз, когда я нарушила свои правила, я встретила с призраком прошлого. Теперь же Эльма пришла, чтобы еще раз расспросить об этом самом призраке. Но я не железная. Мое сердце, оказывается, все еще болит.
 Кутаюсь в плед и делаю первый шаг, чтобы уйти, но Эльма врывается в гостиную, и по пути снимает с себя украшения. Когда равняется со мной, сваливает их в кучку на низком столике у пустого бокала, и щенячьими глазами смотрит на меня.
 — Это что? — железным тоном говорю я, чувствуя, как от них от всех устала.
 — Если мало, я принесу еще! Аннушка, милая, прошу тебя! Умоляю! Разложи карты еще разок. Может быть, что-то изменилось?
 Тэо смущенно мнется и ждет моей команды выпроводить наглую девицу, но у меня язык не поворачивается послать ее к черту. У этой женщины такой несчастный вид, что хочется ее обнять и успокоить. И куда только делось высокомерие, которым она взбесила всех в бане?
 — Я устала, Эльма. Мне нужно к детям, — решительно отвечаю ей. Какой бы несчастной она не выглядела, жалеть любовницу бывшего мужа не имею ни малейшего желания. Тем более, и погадать она на него пришла.
 Стоит мне сделать шаг, как девушка бросается мне в ноги и, заливаясь слезами, умоляет поговорить с ней.
 — Мне поддержка нужна! Только ты меня понять сможешь. Тебе так повезло, Анна, ты же в люди выбилась. Из нищенок в баронессы! Я тоже так хочу, Аннушка!
 Тэо поначалу пытается ее оттянуть от моей юбки, но та вцепилась мертвой хваткой и голосисто причитает о несправедливости бытия.
 — Тише, детей разбудишь! — цыкаю на

нее, и Эльма с надеждой смотрит в глаза. — Ты pomoжeшь мне? — шмыгая носом вопрошает она, не отпуская моей юбки. — Вздыхаю, понимая, что девица не отлипнет. В конце концов, в моих интересах взять золото и окончательно разбить ее мечты — больше не повадно будет меня дергать. — Тэо, принеси колоду, — отправляю помощника за картами, а сама возвращаюсь в кресло у камина. — Спасибо! Спасибо! Ты даже не представляешь, как это важно! — щебечет гостья, усаживаясь напротив. — Ты же понимаешь, что карты могут показать совершенно не то, что ты хочешь увидеть? — Я люблю его! — снова затягивает она, и громко высмаркивается в платочек. — Да...господь решил добить меня окончательно. Успокаивать барышень, влюбленных в моего бывшего, высшая степень наказания. — За что я люблю таро, так это за их прямоту. Они никогда не станут отвечать на твой вопрос, если считают, что в данный момент нужно сказать о другом. Так и в этот раз. Вместо того, чтобы добивать несчастную правдой о равнодушии герцога, карты поведали ей историю счастливого союза, который ее ждет, стоит лишь перестать держаться за то, что ей не принадлежит. — Эти слова так вдохновляют девушку, что она решает выдать мне еще порцию откровений. — Я мечтала об этом! Правда! Мне так хотелось найти мужчину назло Роулу. Ну, чтобы он приревновал, чтобы хоть какую-то эмоцию выдал. Знаешь как сложно с ним? Он же бездушный! Я ему только для одного нужна. Лишь сейчас поняла, что плевать ему на меня. Надеюсь, что оттаит сердце его, и он, наконец, оценит. — Молча слушаю этот поток и понимаю, что не любит она его. Повелась на титул, на яркую внешность. Замуж ей захотелось, да не за абы кого...А тут такой красавец подвернулся. И пока охмуряла, сама влипла. Привыкаем мы, женщины, к тем, с кем спим. Поэтому, до последнего этот момент надо оттягивать. Ибо для мужчин секс — просто секс, а для женщин — свадьба и общие дети. — Знаешь, а ведь несколько дней назад, я подумала, что не все потеряно. Стою я у окна, обнаженная, в одних подвязках... — Воздух покидает легкие, и я замираю, предчувствуя, что сейчас прозвучит нечто важное. — Волосы так романтично от ветра развеваются, и я такая красивая, что самой себе нравлюсь! И тут Роул...проходит мимо, как обычно, смурной такой, а потом резко оживает! Даже лицо его свежее становится, будто ангела увидел. У меня даже сердце замерло, представляешь? Думаю, ну наконец, по-настоящему, заметил меня, а он... — Что он? — сижу, не дыша, уверенная в ом, что речь о том самом утре, когда меня угораздило оказаться в его замке. — А он, оказывается, мимо смотрел. В окно. А потом взял, и убежал, ничего не сказав. Резко так! Будто ветром сдуло. — Сглатываю, надеюсь, что мое недоумение не заметно Эльме. — А после, через слуг передал, чтобы не ждала его. Мол, дела. — А потом? — несмело интересуюсь, — ты же сказала, виделась с ним сегодня. — Виделась-то виделась... — надувает губы девушка, — только никому, ладно? — Киваю, чувствуя себя последней предательницей. — Вызвал он меня поговорить. Представляешь? Поговорить! Даже раздеться не дал. — И о чем же вы говорили? — Не поверишь, Аннушка. О тебе. — В смысле? — глаза чуть ли не выпадают из орбит, и боковым зрением замечаю, что Тэо, припавший к стене в темном углу, держит свою отвисшую челюсть. — Сначала спросил, верю ли я в магию. А потом, сказал, что доложили о гадалке одной...ну и спросил, не знакомы ли мы. — А ты что? — Ну приврала немного. Не буду же я ему все тайны открывать. — Верно... — растерянно киваю, чувствуя смятение. — В общем, сказала, что правдивее твоих предсказаний, только глас божий. — А он? — Ничего не ответил. Кинул монету золотую и сказал, что свободна. — Ищу глазами, что бы выпить, ибо во рту пересохло. Да еще и хитрый взгляд Эльмы раздражает. — Если придет к тебе, расскажешь, о ком спрашивал? — шепчет девушка, — по-дружески! — Эльма! — осекаю ее, ибо все разговоры с моими клиентами тайна. — Ну интересно же! — Ты лучше новым кавалером займись, — отвлекаю ее, — полезнее будет. Помнишь, какой король у тебя на пороге?! — подмигиваю, чувствуя, как от волнения свело мышцы на лице. — И то верно! — соглашается она и, наконец, поднимается с кресла, — спасибо, Аннушка. Ты

настоящая подруга, — наклоняется и крепко обнимает за шею.
 — Ладно тебе, — пытаюсь освободиться из «дружеских» объятий.
 Прощаемся с ней, и пока поднимаюсь в свою спальню, понимаю, что сон как рукой сняло. И чего это герцог мной интересовался?

5. Внезапные решения

Лавирую в толпе людей, что бродят по рынку в поисках лучших товаров, смеюсь сама над собой. Семь отрезков цветных тканей и мешок алгарских кружев едва умещаются у меня в руках и напрочь закрывают обзор. Кажется, уже пара дам окликнула меня, приняв за торговку. Но нет. Это все куплено для себя любимой!

Вваливаюсь в салон к Римме, которая шьет лучшие платья в округе, и сбрасываю покупки ей на стол, с облегчением выдыхая. Все-таки, тяжелая это работа быть красивой.

— Ну ничего себе! — поднимает брови портниха, — и кто виновник сего торжества?

— Я что, не могу себе платьев новых пошить? — обиженно дую губы, падая в кресло.

Помощницы Риммы мигом подают чай и раскладывают ткани, которые я принесла, с восхищением охая. Еще бы! Я на них потратила годовой бюджет своего баронства.

— Милая, — недоверчиво кривится хозяйка салона, — за пять лет, что я тебя знаю, ты заказала у меня всего дюжину платьев. А тут...

— Я просто хочу новые платья! — злюсь я. Я что, не могу захотеть новых платьев? Я женщина все-таки! Баронесса! Статус обязывает.

— Ну да... — гнет свою линию Римма и, наконец, приступает к делу.

Глаза женщин сияют. Нечасто им приходится работать с тканями такого превосходного качества, хотя уровень мастерства позволяет. Много лет назад Римма работала личной швеей королевы, но после того, как та умерла в родах, король, соблюдая траур, запретил кому-либо появляться нарядными при дворе, и сослал Римму вместе с ее мастеровыми подальше от дворца.

В приятной суете отвлекаюсь от бытовых забот, да и мысли о Роуле, от которых я, честно говоря, устала, тоже рассеиваются. Но ровно до той поры, пока кто-то из девушек не вспоминает о событии века в нашей глуши – прибытии герцога.

— Жаль, что он ненадолго.

— Тебе-то что? — устало прикрывает глаза вторая помощница, будто вся эта болтовня ей порядком надоела.

— А то, что жизнь закипела бы! Устала я робы шить. Хочу платья бальные... с жемчужной вышивкой, — мечтательно поднимает глаза и грустно вздыхает первая.

— А я-то думаю, чего дамочки наши активизировались, — шутливо бьет себя по лбу Римма, — а оно вон в чем дело!

Прячу глаза, делая вид, что вообще не понимаю, чем речь. Но Римма сплетница со стажем. У нее глаз наметан не только на мерки.

— Ты тоже что ли в охоте поучаствовать решила? — наклонившись ко мне, шепчет на ухо? Но видя мой возмущенный взгляд, обиженно отстраняется, — а что, хорошая пара получилась бы. Он вдовец. Ты без мужа. Оба молоды и красивы... Мне кажется...

— Римма! Ерунду не болтай! — осекаю ее, спускаясь с подиума.

— Ну что такого? Правда же!

— Послезавтра зайду! — бросаю на прощанье и убегаю прочь.

Вообще, Римма права. Я поддалась всеобщей истерике по поводу прибытия важной персоны. Сколько бы я там не пыталась себя убедить, что мне плевать, а все же которую ночь не сплю. И даже вон тканей накупила... на кой бы они сдались мне в моей деревне, если бы не герцог? Прием веду я в одном и том же одеянии. Темно-фиолетовый бархат добавляет таинственности, и я чувствую себя в нем уверенно. На банных девичниках появляюсь в домашних пеньюарах, а на званые ужины меняю верхние накидки. Никто из дам даже не догадывается, что наряд вовсе не новый. Моей фантазии хватает, чтобы из нескольких кусков ткани сложить

что-то необычное. Но сейчас захотелось чего-то особенного. Так что нужно самой себе признаться в том, что это Роул разбудил во мне женщину.

— Анна! — врезаюсь во что-то твердое, и яркий аромат дорогого одеколона щекочет нос. Поднимаю глаза и узнаю Василия.

— Граф Кедрик! — присаживаюсь, приветствуя давнего знакомого. Странно видеть его в рыночных рядах.

— С вами все в порядке? — он заботливо осматривает меня, и я автоматически поправляю одежду.

— Задумалась. Прошу прощения.

— Очень интересно, кто смог занять ваш ум так глубоко, что вы не замечаете ни прохожих, ни начавшийся дождь.

Растеряно смотрю на небо, а там и правда сгустившиеся тучи.

— Нет-нет, я о делах думала, — зачем-то оправдываюсь я, глядя в серые глаза.

— В таком случае, я не обижу вас, баронесса, если предложу проводить до имения?

Не дожидаясь согласия, он деликатно касается моего локтя и направляет к своей повозке.

— Благодарю, вас, — даже и не думаю отказываться, потому что выбор, как добираться домой у меня невелик – открытая повозка моих рыбаков.

Сажусь на мягкое сиденье крытого экипажа и осматриваюсь. Черная кожа и дерево, покрытое лаком, кучер в парадной ливрее, четверо вороных коней с лоснящейся гривой, четыре человека охраны из войска графа. Задумываюсь над тем, что в этой роскоши и великолепии смотрюсь простушкой, подобранной добрым господином. Все-таки, хорошо, что заказала новые платья. Да и на экипаж надо бы раскошелиться.

Граф тут же дает распоряжение, и один из охранников исчезает среди лоточников.

Догоняет он нас уже тогда, когда выезжаем на дорогу в объезд окраины. Воин встраивается в свое место позади повозки, и граф заметно расслабляется.

— Вы чем-то встревожены?

— О, да, милая Анна! — смеется Василий, и я обращаю внимание, как дергается кадык на его длинной худой шее, — одна особа была так щедра, что построила на окраине рыночной площади бани...

Понимаю, что он говорит обо мне.

— И теперь неблагополучные граждане со всей округи собираются в этих местах, чтобы помыться и набить брюхо бесплатной едой.

— Разве они нападают на повозки?

— Бедняки всегда ищут, чем поживиться, Анна.

— Так может, дать им работу? — пытаюсь погасить свое возмущение.

— Анна, вы слишком... добры.

— Разве это плохо?

— Это прекрасное качество для женщины, но доброта должна быть направлена на тех, кто ее оценит.

Предпочитаю ничего не отвечать на этот сомнительный комплимент. Высокомерию графа нет границ, и вряд ли он намерен выслушивать мои доводы о том, что он не прав. К тому же, каждый имеет право на свое мнение. Граф воспитан в презрении к нищете, возможно, корни неприязни именно в этом.

Оставшуюся часть дороги ведем беседу ни о чем. Граф, как и прежде, бросает на меня многозначительные взгляды, осыпает комплиментами, но я делаю вид, что не замечаю. Если раньше я, возможно, и подумала бы о более близкой связи с ним, то после того, как вновь увидела Роула, Василий кажется пресным, искусственным и даже женственным.

Он помогает спуститься с повозки и на прощанье целует руку, но отпускать не спешит.

— Дорогая Анна, — он переходит на полутон и наклоняется ближе, — надеюсь, вы не откажите мне в одной маленькой просьбе.

Всматриваюсь в его хитрые глаза, пытаюсь угадать, чего он хочет. Но ни один из вариантов не оказывается верным.

— Я желаю видеть вас на ужине в субботу. Если вы не против. Думаю, было бы правильно обсудить некоторые вопросы, связанные с вашими землями.

— Деловая встреча?

— Скорее, ужин двух близких друзей, готовых... — он снова наклоняется к моей руке и дыхание касается кожи, — стать еще ближе.

Мое сердце замирает от подобных намеков, и я понимаю, что, если не соглашусь, накличу беду не только на себя, но и на баронство. Оно все-таки в составе земель графа, и кто его знает, чего тот удумает. Но и принимать приглашение страшно.

— Не хотелось бы вас разочаровывать, но в субботу я устраиваю прием...

— Надо же! А я не приглашен... — театрально сводит брови, изображая обиду.

— Как можно, граф! Наверное, мои люди что-то напутали и не успели вам доставить приглашение.

— Я обязательно буду, Анна, — он разворачивает мою ладонь и губами касается самого центра. Слишком интимно для человека, к которому я не испытываю влечения. Но правила не позволяют даже указать на непристойное поведение графа.

— Рада слышать! — все же отнимаю руку, и когда Басиль, наконец, садится в экипаж, расстроено топаю ногой, — Тэо! — кричу со всех сил.

— Я здесь, моя госпожа, — возникает из ниоткуда управляющий, и я шарахаюсь в сторону, держа за сердце.

— Готовь приглашения на субботу. Собираем званый ужин, — безрадостно сообщаю помощнику.

— Но в зале приемов ремонт, — растерянно разводит руки Тэо.

— Помню, — горестно вздыхаю, чувствуя себя в ловушке, — придумаем что-нибудь.

— Это из-за графа, верно? — сочувствующе смотрит он.

— Угу. Снова намекал на «сближение».

— Вот прощелыга! — ругается мой друг, — ладно. И с этим справимся.

Идем к дому молча, и лишь у самого порога Тэо задает вопрос.

— Герцог Алгарский приглашен?

Прикрываю глаза и мысленно считаю про себя до десяти, чтобы не выругаться, как сапожник. Да уж... хотела облегчить себе жизнь, и попала в свою же западню.

— Приглашен.

Надеюсь, до того времени он закончит с ревизией и покинет наши земли. Вместе с Эльмой.

6. Улов

Ремонт в приемном зале идет полным ходом, и я где-то даже рада, что наглость графа сподвигла меня на быстрые перемены. Иначе, ремонт затянулся бы еще на несколько месяцев.

 Утром Тэо отпросился в замок герцога Бедивирского, чтобы нанять нескольких мастеров по установке витражных окон, а заодно встретиться с давними друзьями, которые до сих пор служат его бывшему хозяину.

 Мне же нужно проверить, как проходит подготовка обоза с рыбой для королевского двора. Помимо свежельвленной форели, главный повар короля просил отправить и несколько засолов по моему секретному рецепту.

 Седлаю любимого ослика, усаживаю Тэю впереди себя, а Лео любит ездить в повозке, похожей на детскую коляску. Напрямую через пастбища путь к рыбацкой деревне занимает чуть больше часа, и детям изрядно надоедает такая долгая прогулка, во время которой они не могут двигаться.

 Предложение поиграть в догонялки с осликом они воспринимают на ура, и остаток пути мы преодолеваем с визгами и смехом. Когда наша шумная компания приближается к озеру, замечаю что-то странное, но понять не могу. Слишком тихо, что ли... все работой заняты, никто не шатается бесцельно, одни, вон, сети перебирают, другие рыбу разделывают. ...С чего бы это?

 Ураган по имени Тэя пронесется по центральной площади рыбацкой деревушки, заставляя расступаться рыбаков с ведрами, полными свежего улова.

 — Роза! Роза! — радостно кричит дочь, подбегая к хижине, — мы приехали!

 Тэя так любит пирог с форелью, который готовит жена старшего рыбака, что первым делом всегда бежит к ней на кухню. Вот и сейчас, кнопка тащит тяжелую корявую табуретку к окну, неуклюже взбирается на нее и засовывает голову внутрь.

 — Ро-за... — замирает девочка и отшатывается назад.

 Ножка старинной табуретки подкашивается, маленькие ручки взмывают кверху, пытаюсь ухватиться за подоконник, глаза расширяются от испуга...

 Время будто останавливается. За долю секунды спрыгиваю с ослика и несусь на помощь, но вижу, как Тэя вместо того, чтобы упасть, взлетает, и оказывается на руках у ...Роула.

 Во время падения дочери, кажется, я ничего не чувствовала. Мое тело автоматически бросилось на помощь малышке, зато сейчас меня знатно встряхивает. Будто разрядом молнии прошибает. При виде герцога, держащего на руках нашу дочь, мое сердце падает в пятки, а спина покрывается холодным потом. Я смотрю на них и не могу сдвинуться с места, до того момента, пока Лео не подбегает к окну.

 — Тэя! — едва сдерживая слезы, малыш испуганно цепляется за ее лодыжку, и Роул переводит взгляд на сына.

 В его глазах шок, недоумение, будто он призраков увидел. И в этот момент я понимаю, что еще секунда, и он догадается.

 Срываюсь с места, подбегаю к окну и забираю дочь, крепко прижимаю девочку к себе и отворачиваю ее от герцога так, чтобы он больше не мог увидеть ее лица. Лео прижимается к моей юбке, и мы втроем отходим в сторону, присаживаемся на лавку и пытаемся успокоиться.

 — Госпожа! — радостно кричит Роза, выбегая из хижины, и, подхватив юбки, тяжело бежит к нам, — а мы вас ждали!

 Лишний вес женщины дает о себе знать одышкой и болью в ногах, и та, держась за сердце, перекачивается на лавку.

 — А что случилось-то? Почему плачете?

 — Все в порядке уже, — успокаиваю ее, — Тэя увидела посторонних на твоей кухне и испугалась.

 — Так это... — нервно вытирает пот платком, — сами не ожидали.

 — Но меня-то предупредить можно было? — ругаюсь тихо, чтобы Роул не услышал.

 — Да не знали мы! Прискакали полчаса назад, мы и не сразу поняли, что сам герцог пожаловал, — оправдывается хозяйка, — надо же было гостя как следует принять. Вот и засуетились, не подумали.

 Цокаю, подняв глаза к небу. Они не подумали, а я чуть не прокололась.

 — Чего надо им тут? — оглядываясь на хижину, спрашиваю я.

 — На охоте их светлость. Мимо проезжали, на запах пирога зайти решили.

 На слове «пирог» Тэя прекращает лить слезы и оживает.

 — Съели? — искренне переживает малышка.

 — Ну что, ты, бусинка моя! Я много сделала!

Всем хватит! Идем со мной! Лео, и ты! Скорее!
 Она протягивает пухлую ладошку моей дочери, и та с радостью идет к ней.
 — Накорми детей в другом месте, пожалуйста.
 — Как скажете, госпожа.
 Тяжело вздыхаю, глядя им вслед и пытаюсь вспомнить, зачем я здесь. Ах, да. Проконтролировать сбор обоза для короля. Пожалуй, отличное занятие, чтобы не думать о произошедшем.
 Как на зло, телеги стоят на дороге, аккуратно перед окнами столовой рыбацкого дома. Как раз там, где обедает наш гость со своим камердинером. Помню этого парня еще со времен, когда была герцогиней и звали меня Энни. Он всегда пользовался популярностью девиц, а теперь, возмужавший, плечистый и при деньгах, так тем более. Вот и сейчас у обоза творится что-то безумное: здесь крутятся все, кому не лень. Даже мое присутствие их не смущает. Еще бы! Когда представится возможность построить глазки таким красавцам.
 Пересчитываю корзины, проверяю содержимое каждой, чтобы в королевский двор не попало ничего, что могло бы огорчить повара нашего правителя и не бросило тень на мое баронство. Даже одна случайно попавшая тухлая рыба испортит мнение о нас, а я работала на имя Ирвингской форели ни много, ни мало, шесть лет.
 Не прекращающийся свербеж в затылке так и просит обернуться и посмотреть, кто за мной наблюдает. Но я заставляю себя не думать об этом, к тому же, наверняка, это не так. Зачем Роулу паять на меня, когда вокруг юные сочные девицы, готовые ублажить господина в любом укромном месте, да еще и по первому требованию?
 В очередной раз сбиваюсь и начинаю заново, продолжая клясть в уме нашего нового герцога. Да и старого тоже. Вот надо было ему с войной на Роула идти?! Жили себе спокойно, бед не знали, так нет же! Теперь все расхлебываем. Особенно я. Не могу посчитать эти дурацкие корзины с бочками!
 Заставляю слуг снять кули с сушеной рыбой, которые уложены сверху, чтобы проверить наполнение нижних мешков, и замечаю странное поведение одного из мальчишек. Глаза у него становятся испуганные, а пока отворачиваюсь, краем глаза замечаю, как один из мешков быстро перекладывает в сторону пересчитанных.
 — Сюда подойди! — включаю тон суровой холодной баронессы и пристально смотрю на бледнеющего пацана.
 Работа вокруг не останавливается, но все посматривают на нас, ожидая, что будет дальше. Один из мужиков, несущий в руках двух огромных лососей, засмотревшийся на меня, не замечает камня под ногами и падает прямо в грязь. Лососи, чувствующие свободу, мстят ему, щедро отвешивая хвостами пощечины, чем отвлекают народ от драмы с нашкодившим мальчишкой.
 Пока все хохочут, пацаненку не до смеха. Он опускает голову и ковыряет пальцем дырку в шапке, снятой с головы. Жду признаний, раскаяния, оправданий, но он молчит, будто сворованная рыба у него во рту.
 — Сам расскажешь? — тяжело вздыхаю, понимая, что сейчас придется включить барыню и придумать наказание ребенку. Как же не люблю я это!
 Он молчит, продолжая ковыряться в дырке, и внимание зевак постепенно возвращается к нам.
 — Хорошо, — иду к телеге, сталкиваю тяжеленный мешок с вяленой рыбой, тянусь за вторым, который спрятал горе-работничек, и дергаю его к себе, ожидая, что весит он килограммов пятнадцать, как и прежний. Но тот оказывается неожиданно легким, и меня резко отбрасывает на несколько шагов назад, вместе с этим несчастным мешком.
 Лечу по инерции, представляя, как на глазах всей деревне вот-вот рухну в грязь, но оказываюсь в крепких руках герцога. Мне не нужно видеть, чтобы понять, что это именно он. От рыбаков не пахнет сладкой смолой, да и мало кто из них осмелился бы так крепко прижимать хозяйку к себе.
 Сердце падает в пятки, а кожа горит так, будто он меня обнаженную к себе прижал.
 — Каков улов у герцога! — кто-то из мужиков полупешотом шутит неподалеку от нас, и полуулыбка Роула дает понять, что он слышал то же, что и я.
 Делаю попытку вывернуться, но ноги разъезжаются, и Роул вжимает меня еще крепче. Да так, что через многослойную юбку поясницей чувствую, как же он рад меня видеть.
 Предпринимаю еще одну попытку отойти, а герцог, только смеется над моей беспомощностью. В конце концов, мужские руки крепко берут меня за талию, и как куклу переставляют на траву. Вместе с мешком, что болтается, зажатый в моем кулаке.
 Роул забирает его, развязывает

веревку и переворачивает мешок вверх дном. Когда на землю падают пучки соломы и пара стертых башмаков, пацан рвано всхлипывает, но продолжает молчать, еще глубже пряча шею в плечи.
 — В погреб его, — командует Роул, и бросает в мальчишку пустой мешок, который тут же надевают ему на голову.
 С замиранием сердца смотрю за тем, как двое здоровых мужиков скручивают щуплого паренька, и выворачивая руки за спину, уводят за хижину.
 Смотрю на Роула и понимаю, что он выполнил мою работу, избавив от надобности придумывать наказания, но в груди зарождается протест. Как можно было отправлять человека в подвал, даже не разобравшись, что произошло?
 — Вы что-то хотели сказать, баронесса вон Ирвинг? — издевательски шурит глаза Роул, видимо, чувствуя мое возмущение его самоуправством.
 — Благодарю вас, мой лорд, — опускаю голову, чтобы выглядеть покорной и мой гнев был не так заметен, — за то, что не дали упасть моей дочери и мне.
 Он хмыкает и, надолго задержав взгляд, уходит обратно в дом, оставляя меня одну перед парой стоптанных сапог, которые хотели подать к королевскому столу. Надо бы разобраться, зачем мальчишка сделал это, и кто ему помог.
 Заканчиваю с подсчетами, проверяю, чтобы были восполнены недостающие продукты, и иду в сторону погребов. Наверняка, парня кто-то надоумил, а сам он не виноват.
 Прохожу мимо, припадаю ухом к каждой из дверей, но везде тишина. Пробегает мысль, что ребенка избили до смерти, но как только слышу всхлип, от сердца отлегает.
 Снимаю амбарный замок, накинутый на петли, и спускаюсь на несколько шагов в темное прохладное подземелье.
 — Эй! Подойди-ка сюда! — всматриваюсь в темноту, но даже силуэта не могу различить, — не бойся. Я поговорить пришла. Расскажешь правду, и я подумаю, как смягчить твоё наказание.
 Когда вижу два блестящих глаза, сияющих во мраке, вздрагиваю. Выглядит это зловеще. Но после появляется сам паренек и бесшумно усаживается на несколько ступеней ниже.
 — Ну, рассказывай.
 Тот отчаянно вздыхает, достает изо рта несколько серебряных монет и собирает их в ладошку, а после протягивает мне. Кривлюсь, глядя на перепачканные пальцы, мокрые от слюны, и сверкающие монетки, которые смотрятся чем-то инородным в руках бедняка.
 — Я не для себя... — неуверенно начинает он, — я батю спасти хотел.
 — Та-а-ак, — подпираю щеку кулаком, готовясь слушать душещипательную историю. В этот момент моя вера в пацаненка начинает угасать. Если он окажется сказочником, уйду и даже не пожалею.
 Но то, что говорит это ребенок, к сожалению, не сказка. Мои глаза округляются с каждой секундой, а сердце колотится, отчаянно пытаюсь выскочить из груди. Разбойники, что грабили обозы, снова принялись за свое.
 — Они поймали меня, когда я в лес за папоротником ходил. Сестра из него похлебку варит вкусную.
 — Какую похлебку? Рыба вам чем плоха?
 — Так рыбу Фанька не дает. Говорит, не заслужили...
 Час от часу не легче. Оказывается, тут дети голодают, а смотритель рыбой втихаря приторговывает. Ладно, с ним позже разберусь.
 — И чего хотели эти разбойники?
 — Чтобы сказал, когда обоз следующий пойдет.
 — А ты?
 — Сказал, не знаю.
 — А они?
 — Они батьку выкрали. Избили так, что кровь ртом пошла, и сказали, пока монет не принесешь, будут дальше бить. А я пока рыбу сторговывал, он и помер. Так они сказали, тело похоронить не дадут, пока денежку не дам.
 У меня темнеет перед глазами, и я пытаюсь дышать поглубже, но затхлым воздухом не надышаться.
 — Так ты, выходит, обоз спас, а отца потерял?
 Круглые небесно-синие глаза в миг наполняются слезами, становясь похожими на два бриллианта. Подсаживаюсь ближе и притягиваю мальчишку к груди, чтобы немного успокоить. Хотя мне б и самой не помешало успокоительное. Столько бед от этих бандитов, столько смертей... а они не наедятся никак. Ну что делать с ними?
 — Ладно, — треплю его за плечи, — придумаю что-нибудь. Не бойся.
 — Не боюсь я уже ничего, — вытирает сопли рукавом, — батю бы похоронить.
 — Похороним. Не переживай. А за обоз спасибо.
 — Но я ж мешок рыбы...
 Рукой прошу замолчать, а сама едва держусь, чтобы не зареветь. Как же тяжело без хозяина, который мог бы решить все эти проблемы!
 Внезапно, свет, льющийся из дверного проема, меркнет, и лестница погружа-

ется в полумрак. Поднимаю голову и вижу силуэт герцога. Он стоит, скрестив руки на груди, широко расставив ноги и немного склонив голову на бок. Стоит и молчит, будто ждет моих оправданий, ведь запереть мальчишку – его приказ.
 Набираюсь смелости, и приподняв юбки поднимаюсь по высоким ступенькам наверх. Я все-таки здесь хозяйка! Это мои люди и мои дела!
 Но стоит оказаться у скалы, преграждающей вход, пыл быстро утихает.
 — Преждевременные выводы не приводят ни к чему хорошему, мой лорд, — насупившись, бормочу я.
 Несколько секунд он не сдвигается с места, пытая меня цепким взглядом, а после, делает шаг в сторону, выпуская меня наружу. Морщусь от яркого солнца, но выходить не тороплюсь. Боюсь, чтобы не обидел мальчишку. Он ведь не знает, что произошло. А этот и не расскажет.
 Роула моя медлительность бесит, по желвакам вижу.
 — Все не так...
 — Анна! — рывкает он и подает руку, намекая на то, что, если сама не выйду, он поможет.
 — Но...
 — Я все слышал... — нетерпеливо отвечает он и, аккуратно подхватив меня под мышки, вытаскивает наружу.
 Согнувшись, Роул ныряет в погреб, оставляя меня хватать воздух ртом. И исчезает там на несколько минут.
 Брожу поблизости, краем глаза наблюдая за погребками, и когда появляется герцог, а следом и пацаненок, с облегчением выдыхаю. Замечаю, как быстро оживает двор, наполняясь вооруженными людьми, а женщины суетливо бегают по хижинам, собирая погребальные принадлежности.
 — Слава богу! — смотрю на кучевые облака, заполонившие небо, и тру усталое лицо.
 Одной проблемой меньше. Голова кругом просто. Надо бы сходить на озеро, искупаться в прохладной воде. Как говорила моя бабушка, вода все печали смывает. Вот и проверю, была ли она права.

7. Сближение

Нырять в темную воду ирвингского озера, и мурашки бегут по телу от удовольствия. Прохладная вода мягко обволакивает кожу, и даже липнувшая комбинация не может испортить этого ощущения. Конечно, я бы и ее сняла, но в любой момент могут прибежать дети. А пока они развлекаются катанием на лодках и ловлей рыбы, я предоставлена сама себе.
 Выныриваю метрах в десяти от берега и ложусь на воду, раскинув руки в стороны. Капельки на носу и щеках преломляют лучи солнца, и кажется, что мое лицо сияет. Расслабленно выдыхаю и прикрываю глаза, чтобы насладиться звуками природы.
 В это время жители рыбацкой деревни заняты работой. Может быть, к вечеру сюда и придут освежиться девушки, но пока здесь нет никого кроме меня, и можно побыть в одиночестве, отпустить все проблемы и ни о чем не думать.
 Случай с кражей рыбы, рассказ мальчишки, присутствие Роула... все это становится неважным. Бабушка оказалась права. Среди природы, под плеск воды и пение птиц мысли рассеиваются, успокаивая тревожный ум, и я окончательно погружаюсь в нирвану.
 Не замечаю, как отплываю все дальше от места, где входила в воду, и только, когда слышу шелест воды, спохватываюсь. Здесь не должно быть чужаков!
 Вижу вдалеке два мужских силуэта. Один стоит на берегу, надевая на свою белую задницу подштанники, а второй только выходит из воды, демонстрируя мне широкие плечи, рельефную спину с такими знакомыми шрамами, упругие ягодички и...
 Роул поворачивается, будто чувствуя мой взгляд, и теперь и другие его достоинства попадают в объектив моего зрения.
 В панике ныряю, выпуская крупные пузыри воздуха, и пытаюсь как можно дальше проплыть под водой, умоляя бога, чтобы Роул меня не заметил. Подумает еще, что следила за ним. Боже! Но почему ты опять сталкиваешь нас?!
 Дыхание сбивается, но я гребу как ужаленная, лишь бы скорее скрыться за камышами.
 Утопая ногами в прибрежном иле, я с трудом взбираюсь на узкий дощатый пирс, наспех отжимаю волосы и, балансируя на тонких качающихся досках, бегу к берегу. На половине пути слышу хруст сухого камыша и застываю на месте, решая, бежать ли дальше к берегу, или вернуться в воду. Но появление герцога ясно дает понять: он меня видел и пытаться скрыться в воде бессмысленно.
 От его темного взгляда меня бросает в жар, и даже стекающая с волос вода не помогает остыть. Соски топорщатся, ноги обнажены выше колен. Я стою перед ним будто голая, потому что короткая комбинация плотно липнет к телу, не оставляя простора для мужской фантазии. И лишь редкие складочки ткани на животе говорят о том, что на мне все же что-то надето.
 Кажется, я даже не дышу. Благо устойчиво стою на ногах, хоть колени дрожат. А Роул так и не сводит глаз, с мужским интересом рассматривая мои изгибы.
 Понимая, что ничем хорошим эти гляделки для меня не кончатся, увожу взгляд в сторону и спешу закрыться, скреживая руки на груди. Роул будто отмирает и резко отворачивается, проговаривая извинения в сторону леса, и я ланью выскакиваю на берег, чтобы скорее одеться.
 Пока бегу к одежде, сложенной на камне, поглядываю на герцога, который пытается подсмотреть. Будто я не вижу, что его голова опущена специально, чтобы можно было продолжать пялиться на меня! Как подросток, ей-богу! Почему-то становится смешно, и я даже не пытаюсь сдержать улыбку.
 Подхожу к валуну, подхватываю юбку и встряхиваю ее, и вижу как на меня летит что-то черное и длинное. Змея, извиваясь, бьется мне о живот, падает вниз, а я едва успеваю отпрыгнуть, чтобы она не упала на босые ступни.
 — А-а-а! — на всю округу визжу я, сжимаясь в узелок и прыгая на месте от страха, — а-а-а!
 — Что там? — Роул оказывается рядом так быстро, и не успеваю опомниться, как прижимаюсь к нему, пряча голову у него на груди.
 Я рвано дышу, а он гладит теплой рукой мою спину и зарывается пальцами в волосы на затылке, прижимая еще крепче.
 — Анна, что случилось? — чуть наклоняет голову, чтобы посмотреть мне в лицо, но я упорно тычусь носом в его обнаженную грудь, пусть даже волоски щекочут ноздри.

— Змея! — скулю я и инстинктивно обнимаю его за торс, видя в нем спасение. Как только пальцы нащупывают бугристые полосы старых шрамов, до меня доходит, что я творю. Мы одни, почти обнажены и рядом со мной мужчина, который точно не откажется от секса со мной, иначе, не смотрел бы он так на меня. Да и сейчас...зачем все эти ласковые прикосновения, объятия? Во рту мгновенно пересыхает, и я пытаюсь отойти, но Роул не отпускает дальше, чем на пару сантиметров. Чувствую силу в его руках и таю. Скольжу взглядом по атласной коже, мокрым волоскам, темным ореолам сосков и точенному прессу, нижняя часть которого скрыта под штанами. Сердце начинает тихо трепетать, и нежность приятным теплом растекается по груди. Смотрим друг на друга, и вижу, что и к нему приходит понимание недвусмысленности ситуации, а значит, сейчас что-то будет. И варианта всего два. Либо он отпускает, либо мы прямо сейчас отдаемся порыву страсти, о котором может быть и пожалею, но это будет потом. А в этот момент я хочу его так, что немеют бедра, а внизу живота разгорается пламя.

— Я здесь, мамочка! Не бойся! — слышу голос Лео и в панике отскакиваю теперь уже от герцога. Смотрю на детей, стоящих посреди поляны с выпученными глазами, и пытаюсь подобрать слова, но в голову лезет только одно: «Сейчас он все поймет...», — мам?

Держа в руках длинную палку, Лео делает осторожный шаг в мою сторону, но сам смотрит на герцога. Неужели подумал, что это Роул меня напугал?

— Все в порядке, малыш! — наконец, отмираю я, и ловлю в объятия ничего не понимающую Тэю.

— Я не малыш! — сердится оскорбленный Лео.

Замечаю на лице Роула добрую улыбку и вижу теплый взгляд, с которым он смотрит на своего сына.

— Конечно, не малыш! «Ты самый настоящий воин!» — говорит он, поднимает с земли свой камзол, отряхивает его и кладет мне на плечи, чтобы я прикрылась, а сам одним движением ныряет в свободную рубаху, — змея захотела примерить мамино платье. Предлагаю ее найти и прогнать. Дашь поддержать свое оружие?

С отвисшей челюстью наблюдаю за тем, как быстро Роул входит в доверие к сыну, и они начинают шарить концом палки по траве, в поисках змеи. Ни за что бы не подумала, что герцог может так легко находить общий язык с детьми. Или это только с Лео? Кровь не водица...

— Она туда поползла, точно говолю! Гово-рю! — Лео старательно выговаривает буквы и с восторгом руководит процессом, а Роул с явным удовольствием ему подыгрывает.

Прикрываю глаза, понимая, что правда почти всплыла наружу, и надо быть слепым или идиотом, чтобы не заметить сходства этой троицы.

— Мам! А она какого цвета была? — с умным видом спрашивает Лео.

— Не помню...ч-черная, кажется...

— Так это уж! Роза говорила, что здесь ужей много. Дед Виль из них настойки делает.

— А она их прячет. Я видела! — вмешивается Тэя.

Непосредственность детей умиляет не одну меня. Папу они тоже обаяли, замечаю по тому, с каким интересом он слушает их разговоры о взрослом.

— Не знаю...змея, уж...какая разница? — отмахиваюсь я. Мне, что уж, что анаконда.

Мужчины одаривают меня одинаковыми снисходительными взглядами, и судя по выражению лица дочки, даже она заметила, как Лео и Роул похожи.

— Нашли! Нашли! — кричит Лео, выхватывая палку у герцога, — дай я!

Мы с Тэей вжимаемся друг в друга и зажмуриваемся, чтобы не видеть этого кошмара, и лишь получив команду открыть глаза, с облегчением выдыхаем.

— Благодарю, сынок. Ты спас меня! — нахваливаю героя.

Лео жмется к моему животу, и я треплю его по кучерявой макушке. Все. Пора расходиться, пока еще чего-нибудь не стряслось. Но не тут-то было!

— Ты настоящий герой! Пожалуй, оставлю место для тебя в своем войске, — Роул подходит к нам и присаживается на корточки, чтобы удобнее было общаться с детьми.

— Мама не отпустит, — малыш грустно опускает голову, но все же посматривает на меня. Вдруг я передумаю.

— Разве ты недостаточно взрослый?

— Мне шесть лет. Осенью исполнится семь! — продолжает поглядывать с надеждой, пока я подкатываю глаза к небу. Мы все ближе к провалу.

Роул делает задумчивый вид, а после дотрагивается до руки Лео и пожимает ее.

— Мама права. Рановато. Но как только подрастешь, я тебя жду!

— Правда? — оживает Лео, и его глаза искрятся.

Смотрю на то, как Роул держит ребенка

за руку. Маленькая тонкая белая ручка сына в крепкой ладони отца вызывает столько чувств, что кажется, внутри меня происходит гормональный взрыв. И радость, и умиление, и страх, и печаль... Меня ведет так, что в глазах мутнеет.
 — Как твое имя, будущий воин?
 — Лео. А Ваше?
 — Это же гелцог! Ну ты глупый! — шепчет ему на ухо Тэя, и задирает нос с видом всезнайки.
 — Роуланд.
 Сын предпринимает несколько попыток повторить сложное для него имя, и все же выдает «Лоувант», чем вызывает искренний смех герцога.
 Слова: «Можешь звать его просто «отец» так и вертятся на языке, но я сжимаю зубы.
 — А как зовут тебя, маленькая баронесса?
 — Тэя! — очаровательно улыбается дочь и делает книксен.
 Роул с восхищением наблюдает за девочкой и кланяется ей в ответ. А я, наконец, не выдерживаю. Слеза предательски катится по носу, и я отворачиваюсь, делая вид, что решила одеться.
 Расставаться с камзолом не хочется. Он пахнет Роулом, и с каждым вдохом я все глубже погружаюсь в воспоминания о днях, когда мы были вместе. В груди печет, и я едва держусь, чтобы не взвыть.
 Слышу задорное щебетание Тэи, серьезный лепет Лео, бархатный низкий голос герцога, поддерживающего беседу, и сжимаю губы. А ведь все могло быть иначе. Если бы не его измена, наша семья была бы жива. Тэя обнимала бы его на ночь и называла папочкой. Лео просил бы его научить держать меч. Роул мог видеть их первую улыбку, первый зуб, первый шаг... Гладить мой живот, пока я носила их под сердцем... Но все это теперь не о нас. Барон — отец этих детей. Он принял их как родных, дал имя, титул, деньги. И воспитал бы, если бы не ушел в иной мир. А Роул... он не изменился. Все так же развлекается в обществе разных женщин, не брезгуя даже шлюхами.
 — Благодарю вас, герцог, — подаю Роулу сложенный в двое камзол, и он поднимается с корточек.
 — У вас очаровательные дети, баронесса, принимает камзол, нарочно цепляя мои пальцы своими.
 — Надеюсь, они вас не утомили! — держать лицо получается с трудом, — мы уже уходим.
 Ловлю ладошки, но получаю протест.
 — Мам!
 — Мам!
 Не понимаю, с чем связан этот бунт, но Роул спешит объяснить.
 — Они очень милы! Как и их мать, — добавляет более низким тихим голосом, от которого сбивает мое сердце. — Я собирался прогуляться по лесу. Анна, не желаете составить мне компанию?
 Чувствую, как две пары глаз сверлят меня, мысленно умоляя согласиться, и чувствую себя поверженной. Если скажу «нет», дети обидятся и еще долго будут припоминать мне этот отказ. Если соглашусь, наступлю себе на горло. Но глядя на своих ангелов, просто не могу отказать им в общении с отцом. Пусть, они даже и не знают этой правды.
 — Хорошо. Только недолго, — сдаюсь я, за что получаю восторженные визги благодарности.
 Роул прикладывает пальцы к губам, издавая оглушительный свист, и через несколько секунд слышу приближающийся топот копыт. Застываю, словно статуя, и перестаю дышать, когда на поляну вылетает огромный черный конь.
 — Ворон! Мой верный друг.
 — Какой класивый! — пищит Тэя, подпрыгивая на месте.
 Лео же просто восхищенно хлопает ресницами, открыв рот.
 Пока пытаюсь отдышаться, Роул успевает усадить детей в седло, берет поводья и смотрит на меня, предлагая присоединиться к прогулке верхом.
 — Я пешком, — преодолевая страх подхожу ближе, но все же пытаюсь держаться на расстоянии.
 — Что с вами, Анна? — хмурится Роул.
 — Мама боится! — выдает меня Тэя.
 — Ее в детстве укусила лошадь, — продолжает Лео, и я натянуто улыбаюсь. Спасибо, детки. Выдали меня с потрохами. Когда-то давно я рассказывала Роулу эту историю.
 — Так вот, почему осел! — сдерживает смех герцог, глядя на меня, а я начинаю жалеть о своем решении согласиться.
 Идем по узкой тропинке. Кажется, что Роул нарочно выбирает такую дорогу, где я вынуждена буду идти рядом. Но только зачем, если на меня он больше не обращает внимания. Дети засыпают его вопросами об оружии и охоте, и Роул с удовольствием поддерживает разговор.
 — А он умеет бегать? — интересуется Лео.
 — Он умеет летать! Хочешь почувствовать сам?
 Глаза Лео становятся похожими на два больших солнца. Роул, извиняясь, снимает Тею с коня, обещая, что и ее обязательно прокатит, махом седлает Ворона, и, обняв рукой сына, поворачивается ко мне.
 — Мы

будем осторожны, Анна, — и, прищипнув коня, уносится вглубь леса.
 — Мам, ты не волнуйся. Гелцог холоший, — успокаивает меня дочь, глядя по руке.
 Ох, девочка моя... Если бы ты знала...
 Как ни странно, за Лео я не беспокоюсь. Я уверена, что с Роулом он в безопасности. Но, когда через четверть часа они возвращаются, и конь с громким ржанием встает на дыбы, все же хватаюсь за сердце.
 — Я тоже так хочу! — Прыгает Тэя, дожидаясь, пока спешится Лео.
 С дочерью Роул более деликатен. Он нежно подсаживает ее, держа под мышки, спрашивает удобно ли, не страшно ли, не передумала ли, и лишь убедившись, что все в порядке, медленным шагом отправляется в путь. Впрочем, возвращаются они с не меньшим размахом, нежели с Лео. Тэя та еще любительница экстремальных развлечений! Вся в папу.
 Улыбаюсь тому, что детям будет о чем вспомнить, когда Роул вернется в Алгар, и собираюсь предпринять очередную попытку попрощаться, как маленькие подстрекатели, все обламывают.
 — А маму? — хором говорят они, глядя на нас с Роулом.
 — Нет-нет-нет! — пячусь назад, даже не желая думать об этом.
 — Анна? — Роул вынуждает посмотреть на него и, сжимая меня за талию, легко поднимает и боком усаживает в седло.
 — Нет! — мечусь я, готовая спрыгнуть, но герцог стоит так близко, что спрыгну я только на него.
 — Вам понравится, — засовывает ногу в стремя и мигом оказывается сзади, — Парис!
 Из кустов выходит камердинер и едва сдерживает улыбку, глядя на нас с Роулом. Становится не по себе, как в детстве, когда кто-то кричал: «Тили-тили-тесто! Жених и невеста!»
 — Побудь с детьми! Мы с баронессой прогуляемся по лесу.
 — Слушаюсь, мой лорд!
 — Головой отвечаешь!
 Роул вжимается в меня плотнее, окружает руками по бокам и берет поводья, заставляя коня медленно кружить на месте. Мое сердце бьется где-то в пятках, а дети радостно визжат, глядя на нас с герцогом. Маленькие сводники!
 Ворон идет по лесу прогулочным шагом, ведет себя мило, не брыкается, только лишь иногда фыркает и отмахивается от мошек хвостом. Его хозяин тоже учтив и старается особо не прижиматься и не дышать мне в ухо, но это не помогает расслабиться. Мало того, что ситуация между нами с Роулом неоднозначная, так еще и соскальзываю с неудобного сидения.
 — Если перенести ногу, будет удобнее, — подсказывает герцог, когда ерзаю в очередной раз.
 — Удобнее пешком, — ворчу я.
 — Значит, нет это все-таки нет? — чувствую его улыбку и невольно расплываюсь сама. — Ведь чаще нет – это да, но позже. Или да, но поугovarивай меня.
 — Представьте, мой лорд, бывает и такое.
 — Впервые встречаю такую честную женщину!
 Его фраза действует, как укол. Сразу чувствую себя раскрытой, но вовремя вспоминаю, что на вору и шапка горит. А значит, чем больше я нервничаю, тем быстрее выдам себя.
 Раздуваю ноздри и отворачиваюсь, чтобы Роул не мог видеть выражения моего лица. Иначе, сама себя закопаю.
 — То есть к вам нужен особенный подход? — не унимается герцог.
 — Смотря, какую цель вы преследуете, мой лорд.
 — Моя цель познакомиться с вами поближе, баронесса.
 Вот и приехали!
 От наглости Роула кровь ударяет в голову. Он даже не пытается прикрыть свою похоть благочестивой маской. Сразу же в бой – знакомиться поближе. Это ли не повод в очередной раз убедиться, что в ту ночь я все правильно сделала?
 — О вас уже слагают легенды, Анна! Будет неправильно, если я упущу возможность пообщаться с героиней своего времени.
 Поворачиваюсь назад и ошалело хлопаю глазами. В смысле легенды? То есть, он не о постели говорил?
 Неожиданно конь меняет размеренный шаг, и я по инерции падаю назад, прямо на грудь герцога. В этот же момент он ловит меня рукой, чтобы я не свалилась с Ворона, и мы оказываемся в очень тесных объятиях. Уже второй раз за день. От Роула пахнет знакомо и настолько приятно, что хочется лизнуть его кожу, но я пока еще в своем уме, чтобы не совершать подобных глупостей.
 — Дерево... — поясняет Роул, и я замечаю огромный поваленный дуб, через который коню пришлось перешагнуть.
 — Кхм, — осторожно веду плечами и упираюсь руками в железный пресс мужчины, чтобы увеличить между нами расстояние. Потом снова впииваюсь взглядом в смоляную гриву коня, —

не понимаю, о чем вы говорите, мой лорд.
 — Когда я стал хозяином этих земель, в числе значимых событий мне рассказали о построенных вами банях и столовых для бедняков.
 — Вы тоже против?
 — Что вы! Я даже готов поддержать вашу инициативу. Городовые не нарадуются. Количество краж на рынке упало втрое.
 — А всего-то нужно было накормить голодных людей... — вздыхаю я, злясь на то, что очевидные вещи здесь принято считать чем-то сверхъестественным. Наверное, если я построю школу для детей, меня вообще за сумасшедшую примут.
 — Разве были те, кто против?
 — Граф Кедрик возмущен тем, что дорога к его дому лежит вблизи бань. Он опасается, что его экипаж разорят вымытые наевшиеся бедняки, — смеюсь я, боковым зрением замечая, что Роул не сводит с меня глаз. Смущенно краснею, чувствуя себя юной девчонкой.
 — Что ж, уверен, его возможностей будет достаточно для строительства дороги в объезд этих «страшных» мест, — поддерживает шутку герцог, и на несколько минут мы умолкаем.
 Наконец, между нами возникает легкость и умиротворение. Я перестаю напряженно вжиматься в седло, поддаюсь ритму и верчу головой по сторонам. Шурю от яркого солнца, пробивающегося сквозь листву высоких стройных дубов, наслаждаюсь птичьей трелью и ароматами прелой листвы...и дыханием мужчины, что когда-то был для меня целой вселенной.
 — Анна, — Роул нарушает молчание, и мое сердце замирает от мягкого звучания моего имени, — я хотел бы узнать еще кое-что о вас. Если не хотите, не отвечайте.
 Во рту мгновенно пересыхает, и я снова напрягаюсь, в ожидании каверзного вопроса. Первое, что приходит на ум, то, что он догадался, кто я. Второе, почему дети так похожи на него, если не имеют родственной связи. И третье, не соглашусь ли я стать его любовницей.
 — Почему таро? Разве баронство не имеет достаточного дохода?
 Выдыхаю, блаженно подкатывая глаза. Надо бы задуматься над своей адекватностью. Накрутила себя так, что чуть не умерла от страха, а он всего лишь хотел знать, зачем я открыла салон.
 — Это мой способ разнообразить жизнь. Да, гадание приносит деньги, но я бы сказала, что это больше для души. Помогать людям разобраться в вопросах, которые их тревожат, стать проводником между высшими силами и человеком. Передавать их ответы, когда в душе у человека сомнения. Это дает почувствовать свою нужность. Будто я служу на благо человечества, как бы громко это ни звучало.
 — Судя по тому, что о вас знают в каждом доме герцогства, ваше служение популярно.
 Так и хочется сказать, что даже он поддался всеобщему увлечению разгадывать тайны, но я помню о том, что пообещала молчать. Его не было в моем салоне и точка.
 — И какой запрос самый частый?
 — Любовь...
 — А если точнее?
 Его любопытство настораживает. До меня доходили слухи, что король объявил охоту на черных магов и ведьм, неужели Роул хочет уличить меня в колдовстве?!
 — Если вы имеете в виду любовную магию, то это не моя история. Я всего лишь анализирую людские судьбы. А вмешиваться в них — не мое дело.
 — Я не сомневаюсь в вашей порядочности, Анна. Будьте уверены, мне бы доложили, если бы вы тайно обходили запреты короля. К тому же, я лично успел убедиться в том, что ваши гадания правдивы, а в салоне не происходит ничего противозаконного.
 Так и хочется его уколоть, спросив, зачем же он приходил в ту ночь на самом деле. Узнать о пропавшей жене или проконтролировать, не варю ли я приворотные зелья?
 — Так и все-таки, о чем хотят знать люди в большинстве своем?
 — Мой лорд, это тайна. А я умею хранить чужие секреты, — прикладываю пальцы к губам, мол мой рот на замке.
 — Судя по тому, что вы даже при общении со мной не упомянули о моем визите, вы действительно надежный человек.
 — У меня плохая память. Забываю все, как только клиент выйдет за порог, — отшучиваюсь я.
 — Видимо, господа, посещающие ваш дом по субботам, ценят именно это. Кажется, у вас много друзей среди местной знати.
 То, что Роул осведомлен о том, что происходит в моем доме, настораживает. Неужели нарочно интересовался мной? Или это только ради дела, чтобы понять, кто такая эта баронесса-гадалка-покровительница нищих?
 — А может быть, им просто нравятся развлечения, которые я устраиваю во время приема.
 — Звучит

интригующе.
 — Ничего особенного, мой лорд. Уверена, эти приемы не идут ни в какое сравнение с теми, что проходят в вашем замке.
 — Я семь лет не устраивал приемов, Анна.
 — Отчего же? — мой голос едва ли не срывается. Я знаю, что произошло семь лет назад, но не думаю, что снова угадаю с ответом. Не стоит принимать все на свой счет.
 — Не до того было, — сухо отвечает он и разворачивает Ворона обратно.
 Чувствую укол обиды. Ну и как теперь догадаться о том, что творится у него в душе? Ведь мог бы и поделиться. Сам бы выговорился, и мне легче стало. Но это, если есть связь со мной. А если, это вообще меня не касается? Ну мало ли, исчезла жена. Вон у него сколько желающих занять вакантное место! Может быть, пока нет прямых доказательств смерти исчезнувшей супруги, ему не дают разрешения на новый брак, вот он и засуетился. А я уже губы раскатала, что Роул тоскует по своей Энни.
 Назад едем молча. Герцог становится отстраненным и погружается в свои мысли, а я размышляю о том, что могла бы давно решить проблему неведения, разложив на него карты. Но беда в том, что для себя я не гадаю, ибо трактовать выпавшие арканы начинаю так, как хотелось бы мне, а не так как нужно.
 Когда возвращаемся, находим детей изучающими карту. Парис со знанием дела рассказывает об окрестностях и живности, что здесь водится, а Лео и Тэя слушают, раскрыв рты.
 Роул все с той же легкостью снимает меня с коня и ставит на землю, и я во избежание неловких моментов сразу бегу к детям.
 — Мапочка!
 Обнимаемся вдвоем, и все это время чувствую на себе взгляд Роула. Ну что ему от меня надо?! Болезненный стон так и рвется из груди, но я как обычно, держусь. Справляюсь. Как обычно, я со всем справлюсь.
 Не замечаю, как Парис исчезает, и мы снова остаемся вчетвером. Понимаю, что пора заканчивать эту встречу, и решительно смотрю на герцога, готовая попрощаться.
 — Вы куда-то торопитесь? — опережает меня он, сбивая с толку.
 — Нет, — вырывается быстрее, чем я понимаю, что сказала.
 — Вот и отлично! Я обещал Лео научить метать нож.
 — Да-а-а! — сын тут же забывает обо мне и мчится к Роулу, а я чувствую, как ревность не дает вдохнуть.
 Так и хочется высказать сыну, что это я рожала тебя! Я кормила, воспитывала! Я не спала ночами, я! А не тот мужчина, к которому ты бежишь. Но это эмоции. Здравый смысл говорит обратное. Эта часть меня искренне считает, что ребенку необходим отец, пусть даже и в такой форме. Лео будет достаточно даже простого общения с ним, и знать всей правды не обязательно.
 Усевшись на широкий низкий пень, беру дочь на руки, и пока та обрывает ягоды земляники с букетика, который успела насобирать, наблюдаю за Роулом и сыном.
 Лео внимательно слушает наставления, рассматривает клинок, который Роул держит в руках, и восторженно скачет на месте, глядя на то, как острие вонзается точно в центр мишени, прикрепленной к дереву.
 Время от времени герцог поглядывает на нас, но в целом, он сосредоточен на ребенке и следит, чтобы тот не поранился и не запустил оружие, куда не следует. Уверенная в том, что Роул все проконтролирует, отвлекаясь на малышку и замечаю ее сонный взгляд. Ну конечно! Столько событий за день, а дневной сон она пропустила.
 Укладываю ее на руки поудобнее и, поглаживая по головке, напеваю ее любимую песенку, под которую Тэя окончательно засыпает. Целую загорелый лобик и слышу, как Роул просит Лео быть потише.
 Его забота о детях так приятна, что я снова едва сдерживаю слезы, и молюсь, чтобы этот день не заканчивался, ведь нам всем так хорошо вместе.
 — Мама! Ты видела? — шепчет Лео, сияя от радости.
 — Видела! Ты у меня такой меткий! — целую его во влажную от пота щечку, — не хочешь подкрепиться?
 — Хочу еще метать ножи!
 — На сегодня достаточно, Лео! Твоя рука устала, надо дать ей отдых.
 Сын огорченно вздыхает, но не спорит. Садится на сухую землю рядом со мной, облакачивается на мои ноги и на глазах засыпает.
 — Воин устал, — тихо смеется Роул, с нежностью глядя на детей.
 — Слишком много впечатлений. Они запомнят этот день надолго.
 Внезапный раскат грома заставляет вздрогнуть, и я поднимаю глаза к небу.
 — Гроза приближается. Надо уходить!
 Растерянно смотрю на детей, которых не разбудит даже пушечный выстрел над ухом, и

не понимаю, что мне делать. Но Роул решает проблему быстрее, чем я успеваю сообразить, что происходит.
 Легко подняв Лео с земли, он усаживает его на одну руку. Изловчается и забирает Тею, уложив ее на вторую. Прижимает детей к груди так, чтобы их головы легли ему на плечи, и выжидающе смотрит на меня.
 — Прошу прощения, баронесса, я бы взял и вас, но у меня всего две руки.
 Не могу оторвать взгляда от этой умильной картины. Высокий, сильный отец и крошечные головки детей, спящих на его плечах. Кажется, что моя душа вот-вот воспарит, расправив крылья.
 — Анна! Вы решили остаться в лесу?
 — А...да...нет! Куда мы? — встаю с пня и бегу следом за Роулом.
 Понимаю, что эта дорога не ведет ни в рыбацкую деревню, ни в наш замок.
 — В охотничий домик. Там переждем грозу. Но, кажется, это надолго.
 Спотыкаясь о ветку, но быстро восстанавливаю равновесие. Вот и не верь тому, что мысли материальны.
 До того, как вода обрушивается с неба мощным потоком, успеваем добежать до навеса, где хранятся сено, дрова и запасы чистой воды. Льет так, что не слышно собственного дыхания. Вздрагиваю при каждом раскате грома, а детям хоть бы что. Сопят себе тихонечко, устроившись на широком удобном плече Роула.
 — Замерзнут...надо бы до домика добраться, — Роул осматривает место, ища то, чем можно было бы накрыть детей, и за бочками с водой замечает плотную ткань земляного цвета, — поможете?
 Встряхиваю тяжелый отрез, чтобы убрать нападавшие листья, и, вытянув кверху руки, набрасываю ткань поверх герцога. Пока расправляю складки, чтобы дети были полностью укрыты от дождя, приходится стоять близко-близко. Внутри все дрожит, слишком интимно это – мужчина, держащий на руках детей, и женщина, почти обнимающая их. И, судя по тягучему взгляду герцога, этот момент для него тоже является особенным.
 — Готово, — я отхожу, увеличивая между нами расстояние.
 Роул, оценив потоки воды с неба, беззвучно ругается на небесную канцелярию и выдвигается в сторону домика. Я несколько секунд нерешительно топчусь на месте и, когда делаю первый шаг под дождь, Роул оборачивается, будто на его затылке есть глаза.
 — Дождитесь меня здесь!
 Послушно киваю, ныряя под навес, и снова вздрагиваю от грохота.
 Через минуту Роул возвращается все с тем же куском ткани, но под ним уже надет длинный плащ. Он быстро снимает его, укутывает мои плечи, а на себя набрасывает все тот же кусок старого выцветшего полотна.
 С ужасом смотрю на лужи и грязь, в которую мне сейчас предстоит ступить, и не успеваю понять, как оказываюсь на руках у герцога. Горячих и сильных.
 — Анна, капюшон! — командует он, пока я растерянно хлопаю глазами, и как только я прячу голову, Роул шагает под проливной дождь.
 Отворачиваюсь от вездесущих капель и молю время остановиться. Запах его кожи, его руки, пульсирующая венка на шее...пытаюсь насладиться моментом и запомнить эти ощущения на всю жизнь. Понимаю, что не должна так реагировать на человека, однажды предавшего меня, но не могу ничего с собой поделать. Разрешаю себе эту маленькую слабость, и кладу ладонь ему на шею, кончиками пальцев зарываясь в волосы. Вижу, как дергается его кадык, но в остальном герцог не подает вида, и резво шагает по лесной грязи.
 Разомлев от теплого дыхания, я прикрываю глаза и даже не замечаю, что мы уже внутри домика.
 — Анна, вы тоже уснули? — тихо говорит герцог, и вибрация в его груди передается мне.
 Так и хочется прикинуться спящей...Чтобы он положил меня на кровать, лег рядом и укрыл своей тяжелой рукой. Притянул поближе к себе, уткнулся носом в макушку, и...Но поддаваться требованию слабого тела нельзя.
 — Согрелась просто... В вашем плаще тепло. Благодарю вас, мой лорд.
 Он ничего не отвечает, но замечаю тень улыбки. Кажется, между нами что-то происходит, но дать этому название пока не могу. Знаю одно, если ливень затянется, моя выдержка иссякнет.
 — Проверю, как там дети.
 Роул ставит меня на пол, и я, путаясь в ногах, иду к узкой кровати. Дети лежат на матрасе из соломы и сладко сопят, уткнувшись лбами друг в друга. Поправляю платице на Тее, чтобы оно полностью прикрывало ножки, и опускаю ниже задранную на спине рубашку Лео.
 По звукам за спиной догадываюсь, что Роул сбрасывает промокшие сапоги и переобувается

в домашние ботинки.
 — На полках за занавеской должны быть одеяла, — подсказывает герцог, а сам подходит к камину, чтобы разжечь огонь.
 Нахожу три шерстяных пледа, вполне сносных, чтобы ими укрыть детей. Замечаю на окнах выстиранные занавески, а на полке посуду, которую видела в доме Розы. Видимо, к приезду высокопоставленных особ подготовились и собрали по рыбацким домам «все лучшее», но ремонт в этом старом домишке сделать не успели. Бревенчатые стены, поеденные короедом, хоть и придают особый шарм дереву, но подходить ближе и тем более касаться их не хочется. В полу кое-где наспех заколочены прохудившиеся доски, зато испытание дождем домик проходит на отлично — крыша не течет.
 Укрываю детей шерстяным одеялом, одно набрасываю себе на плечи, а с третьим зависаю над сидящим у огня герцогом. Хочу поухаживать за ним, но смущаюсь. Наверняка, отмахнется, скажет, что не замерз.
 — Анна, что вы там стоите? Идите к огню, здесь теплее, — с улыбкой оборачивается он, и я, все же кладу плед на его плечи, — благодарю, — кутается в него и, придерживая руками, наклоняется к камину, чтобы раздуть угли.
 Сажусь на низкий табурет, такой же как у герцога, и несколько минут смотрю на искрящиеся поленья, охваченные пламенем. Слушаю их треск и уже не вздрагиваю при раскатах грома. Кажется, что время остановилось, и мира за окном не существует. Есть лишь мы.
 Роул тоже задумчиво смотрит в горящий портал, иногда подбрасывает новых дров, меняет их местами с горящими.
 — Вы голодны? — спрашивает герцог, поднимаясь с места, — здесь есть яйца и хлеб. Освежеванное мясо не успел разделать.
 — Нет! Мы и так вас отвлекли...
 — Анна! — бросает возмущенный взгляд, в котором читается приказ прекратить, — я провел отличный день в компании вас и ваших детей. Из череды однообразных будней, этот самый яркий. Так что не говорите глупостей.
 — Но вы же...
 — Анна!
 Я замолкаю, понимая, что спорить бесполезно, да и себе же хуже, потому что я голодна как волк. Дети скоро тоже проснутся и попросят есть.
 — Я помогу? — пытаюсь встать, но на плечи ложатся его руки и заставляют сесть обратно.
 — Я справлюсь. Отдыхайте.
 Смотрю, как Роул выбирает сковороду побольше, устанавливает над огнем решетку и ставит сковороду с кусочками жирного бекона на дне разогреваться. Когда тот начинает шкворчать, Роул острым ножом режет пополам мелкие помидорки и бросает на сковороду. Затем одно за другим вбивает яйца, от куска соли отламывает щепотку, растирает ее пальцами и бросает в огонь. Тот красиво искрит, копченые бока сковороды дымят, а аромат яичницы и бекона разлетается по домику, заставляя давиться слюной.
 Через минуту он снимает блюдо с огня и переставляет его томиться в жаркое место под камином. Достает из сундука темную пыльную бутылку, зубами вытаскивает пробку и наполняет на треть деревянные кружки. Подает одну мне, и я по запаху понимаю, что это виски.
 Кривлюсь и задерживаю дыхание. Ненавижу виски!
 — Понимаю вас. Алкоголь не самого лучшего качества, но вы же не хотите заболеть?
 Молча беру кружку вдыхаю поглубже и залпом выпиваю огненную воду.
 Последний глоток дается труднее всего, и я закашливаюсь, а из глаз брызжут слезы.
 Роул отрезает дольку яблока, подносит ко рту, и я как оголодавшая собака бросаюсь на его пальцы, лишь бы скорее перебить вкус дешевого алкоголя.
 — А говорите не голодная! Чуть руку мне не откусили, — шутит Роул, отрезая еще одну дольку.
 Шок проходит, я прихожу в себя и, видя его пальцы, держащие яблоко у моих губ, понимаю, насколько все неоднозначно. Первый кусочек можно было посчитать спасением, но сейчас это больше походит на заигрывание. И надо ли это мне?
 Беззвучно киваю, благодаря герцога за заботу, забираю из его руки дольку и сама откусываю половинку. В его глазах скользит разочарование, но Роул пытается не подавать вида, и отрезает еще кусочек теперь уже для себя.
 Но, когда он его ест, от чего-то мне кажется, что он ест меня. Отвожу глаза к огню, ибо взгляд его выдержать не могу. Все поджилки трясутся от волнения.
 — Распустите волосы, — тихим урчащим голосом просит Роул, а у меня мурашки по шее.
 Не решаюсь уточнить, не ослышалась ли я, и просто молча таращусь на герцога.
 — Анна, распустите волосы. Они до сих пор влажные после купания.

Вы же не хотите простудиться.
 Трогаю руками заплетенные в косу волосы и понимаю, что герцог прав. Я полдня проходила с мокрой головой. С нынешней погодой легко и насморк подхватить.
 Расплетаю косу, прочесываю пальцами волнистые пряди и раскладываю их по плечам.
 — Вы очень красивая, Анна.
 От неожиданного комплимента мое сердце останавливается.
 — Я давно не встречал таких очаровательных женщин, как вы. Редко, когда в одном человеке сочетаются красота и скромность.
 Теперь и дышать перестаяю. Он окончательно вывел меня из состояния, когда я могла бы оказать сопротивление. Но другая часть меня начинает тревожно зудеть, осуждая за эту слабость.
 — А ваши дети... Не думал, что с ними может быть так интересно!
 Комплимент о детях заставляет расплыться в улыбке. Роул будто знает, за какие ниточки дергать, чтобы расположить к себе.
 — Вам действительно было интересно?
 — Почему вы сомневаетесь?
 — Они дети. Им все нужно знать, они постоянно задают какие-то вопросы, не всегда удобные... Под них нужно подстраиваться, и не каждый взрослый найдет общий язык с ребенком.
 — У меня, кажется, получилось, — улыбается герцог, и я замечаю горделивые искорки в его темных глазах.
 — Тогда вам пора обзаводиться своими, мой лорд. Нельзя дать пропасть такому таланту!
 — Если мои дети будут такими же как Лео и Тэя, я готов.
 Нервно сглатываю, потому что я ожидала услышать что угодно, но не это. Сказал бы он, что еще не время, или что подумает о наследниках позже, я бы спокойно отреагировала. Но это...это явный намек на то, что он не против заняться со мной сексом. Или мне так кажется?
 — Осталось только найти подходящую женщину. Благодаря закону короля вы не ограничены в выборе. Столько юных здоровых девушек почтет за честь стать вашей супругой! — стараюсь перевести тему с себя, на других, но только произнесла это вслух, понимаю, что выглядит это так, будто я напрашиваюсь.
 Роуланд усмехается себе под нос и отвлекается на огонь, задумчиво переворачивая горящие поленья.
 — Вы ведь не из дворян, верно? — продолжает добивать меня герцог, — расскажите о себе, Анна. Откуда вы? Где родились, как повстречали своего супруга?
 Вся сжимаюсь, понимая, что легенду, которую выдумал барон, когда брал меня в жены, давно забыла. Единственное, что помню, так это то, что в брачной книге я записана как Анна, дочь бродячих музыкантов, рожденная весной в год паводка на Энне. Не думаю, что Роул станет проверять факты, поэтому можно не бояться ошибиться.
 — Я из семьи артистов. Мы кочующий народ, поэтому места, где родились не помним, а родиной считаем весь мир. Однажды в Ирвинге проходила крупная ярмарка товаров из Заморья, и мы выступали для людей в ночь после ее окончания. Внезапно посреди представления в толпе началась драка, народ в суете стал разбегаться кто куда, и я потерялась. Смотрительница приюта, который организовал барон, пригласила пожить у них, а когда мы узнали, что почти вся труппа погибла в давке, предложила остаться насовсем. Там мы и встретились с моим супругом.
 — Не слышал об этом... Странно, что такое событие могло пройти мимо меня. Когда это случилось?
 Я прикусываю щеку и бледнею. Ну кто меня за язык дергал-то, боже?!
 — Семь лет назад.
 — Тогда понятно... — вздыхает Роул, уставившись на тлеющий раскаленный конец кочерги, — в ту пору много событий прошли мимо меня.
 — Почему? — несмело шепчу я, понимая, что боюсь услышать ответ, но и жду истории о том, как тяжело ему было в тот период.
 — Были на то свои причины...
 Долго смотрю на профиль своего бывшего мужа, понимая, что так и не дожусь душераздирающего признания о потерянной любви. Что ж...наверное, наше прошлое не заслуживает того, чтобы о нем вспоминали.
 — А барону повезло провести остаток жизни с такой прекрасной девушкой. Да и детьми он бы гордился, я уверен. Знаете, сегодня Лео сказал мне, что он главный и единственный мужчина в семье и обязан заботиться о маме и сестре. Поэтому он бросился на помощь, хотя до жути боится змей. Этот чудесный ребенок стоит пятерых взрослых. Столько отваги редко бывает даже у матерого воина.
 — Нам приходится быть сильными, мой лорд. Я бы и рада отдохнуть, да жизнь слишком жестока. Приходится брать ответственность на

себя.
 — Даже спускаться в подвал к преступнику...
 — Даже спускаться в подвал к преступнику.
 Снова повисает молчание, а когда Роул поднимается на ноги, с ужасом жду слов о том, что ему пора. Меня терзают смутные чувства, но желание, чтобы он остался на подольше, побыть рядом с ним еще хотя бы полчаса, выделяется среди всех особенно ярко.
 Он уверенно шагает к выходу, открывает дверь и шагает на крыльцо, а я закрываю глаза, понимая, что мы снова остались одни. Горячая слезинка катится по щеке, и я быстро смахиваю ее пальцем, заставляя себя прекратить.
 — Беги в замок баронессы и сообщи управляющему, что госпожа с детьми заночует в охотничьей хижине.
 — Слушаюсь, мой лорд!
 Слышу хлопанье сапог по лужам, и громкий стук набоек по крыльцу. Деревянная дверь распахивается, и герцог возвращается в дом.
 Отворачиваюсь к камину, торопясь спрятать глупую счастливую улыбку. Сегодня однозначно день исполнения моих желаний.
 Дети просыпаются одновременно с тем, как Роул открывает рот, чтобы о чем-то меня спросить. Две сонные мордашки долго всматриваются в его силуэт, растерянно водят глазами по хижине, а когда замечают меня, резво вскакивают с кровати и нападают с двух сторон.
 Герцог с теплом наблюдает за тем, как мы обнимаемся, и замечаю в его глазах капельку грусти. Так и хочется съязвить, что он сам потерял все это, но понимаю, что я больше не чувствую этой боли, что нет надобности жалить его. И я даю себе слово не горячиться. Возможно, нам дали второй шанс и было бы глупо его не использовать.
 — Сони! Если бы не герцог, остались бы мы с вами мокнуть на лесной поляне.
 — А мы где? — Лео с интересом осматривает домик и задерживает взгляд на черепе какого-то рогатого зверя, висящем на стене.
 — Мы в охотничьем домике, — отвечает Роул.
 — А это настоящее? — Тэя с ужасом смотрит в сторону останков животного, и жметесь ко мне.
 — Настоящее!
 — Мы пойдем на охоту? — глаза Лео загораются, и он смотрит на Роула с такой надеждой, что мне больно прерывать этот диалог. Но я все же вмешиваюсь.
 — Лео, мы и так задержали герцога, утром мы вернемся домой.
 Оба смотрят на меня разочарованно. Роул не протестует, но ему явно не понравилось то, что я снова решила за него. А Лео... Лео просто расстроен, что ему не доведется побывать еще и на охоте.
 — Mam, я есть хочу, — жалобно стонет Тэя, прижимаясь к моей груди.
 — А у нас все готово! Лео, поможешь?
 Роул дает задание сыну принести с подоконника вяленое мясо и хлеб, сам же ставит на центр широкий пень и достает из камина сковороду. Аромат по домику разносится такой, что рот тут же наполняется слюной.
 Садимся вокруг импровизированного стола, Роул нарезает мясо, отламывает хлеб и подает каждому по очереди. Сначала мне и Тее, а потом себе и Лео.
 — А вилка? — стеснительно шепчет Тэя, не привыкшая к такой спартанской обстановке.
 — Без вилки вкуснее! — словно заговорщик шепчет Роул и макает кусочек хлеба в сковороду.
 Тот мгновенно пропитывается соком помидор и жиром бекона, а когда Роул подцепляет корочкой яйцо и отправляет его в рот, Тэя громко сглатывает.
 Лео повторяет за герцогом, быстро осваивает новый способ и мечет кусочек за кусочком, пока Тэя осторожно откусывает то, что даю ей я. Наблюдаю за троицей, представляя, сколько бы памятных фотоснимков этого момента сделала бы, если бы мы жили в моем старом мире. А здесь остается полагаться только на память.
 Вчетвером мы быстро расправляемся с ужином. Еда из одной сковороды невероятно сближает. Между нами нет разницы в статусе, возрасте, опыте. Нам так хорошо и весело, что кажется, так было всегда и обязательно будет и дальше.
 Роул дуэт на горячий чай и уговаривает Тею немного подождать, потому что иначе она обожжется. Она держит его колено своим маленькими ладошками и нетерпеливо прыгает на месте, не сводя глаз с его лица. Лео тоже ждет его внимания, украдкой поглаживая рукоятку карманного ножа, что лежит на столе и так и манит ребенка своей необычной красотой.
 После ужина убираем стол, но остаемся у камина. Роул усаживает Лео к себе на колени и, взяв его пальцы своими, учит его вырезать фигурки из чубуков. А мы с Теей наблюдаем за ними и за огнем. В сердце покой и умиротворение, а о том, что будет завтра думать не хочется.
 — Mam? — Тэя

ловит завиток моих волос, а Роул поднимает свой взгляд, наблюдая за нами, — Расскажи сказку.
 — Только не про Золушку! — возмущается Лео, тяжело вздыхая, будто эта сказка ему до смерти надоела.
 — Почему? По-моему, красивая интересная сказка.
 Давлюсь воздухом и отворачиваюсь к камину. Сейчас как никогда хочется, чтобы дети скорее уснули и больше не говорили того, что может выдать во мне его знакомую Энни. Роул знает эту историю. Я сама рассказывала ему давным-давно. И поскольку наши сказки здесь в новинку, у него абсолютно точно возникнет вопрос, откуда ее могу знать я.
 — Откуда вы знаете? — искренне удивляется Тэя.
 — В свое время я тоже любил слушать сказки, — загадочно отвечает он, а я ловлю на себе неудобный взгляд, и чувствую, как трясутся поджилки. А вдруг, он все-таки чувствует, что это я?
 Так же, как сейчас, мы грелись у камина на теплых шкурах. Его голова лежала на моих ногах, я перебирала его волосы, нежно гладила лицо и рассказывала истории, о которых когда-то читала в книгах. Неужели запомнил? Я думала, он дремал под мой голос.
 — Тогда по маркиза Карабаса! — просит Тэя.
 — И эту знаю! — Хвастает Роул, привлекая внимание дочери к себе. Я же окончательно соглашаюсь с тем, что дети рано или поздно выдадут меня с потрохами.
 В следующие пару часов они наперебой рассказывают сказки, добавляя к ним что-то свое, объединяя, перемешивая и избавляясь от скучных или злых героев. Импровизируют на ходу, а мне только остается смеяться над судьбой Золушки, которой пришлось выйти замуж за кота в сапогах, который и оказался принцем.
 Разбушевавшаяся природа постепенно затихает. Маленький домик наполнен теплом огня, ароматами еды и детским смехом. Кажется, чего еще нужно для счастья? Но, к сожалению, не все так просто как в сказке. Моя закончится не в полночь, но с рассветом, поэтому лечь спать было бы сущим преступлением. Но дети за день устали и сладко зевают, даже не представляя, что уже завтра в их жизни не будет того веселого герцога, к которому они успели прикипеть.
 — Мама, а как мы поместимся? Кровать-то совсем маленькая!
 Тэя взволнованно смотрит на Роула, которому и одному-то она была бы мала.
 — Здесь есть еще одна кровать. Там, за стеной, — он первым входит в крошечную комнатку, большую часть которой занимает двуспальная кровать с резным деревянным изголовьем. Видимо, здесь было хранилище, но к приезду герцога слуги организовали еще одно спальное место, где смог бы отдохнуть двоюродный брат короля, — тебе нравится? — спрашивает он Тею, и та согласно кивает, — вот и отлично. Вы с мамой заночуете здесь. А мы с Лео останемся в гостиной.
 — Но это же ваша кровать! — Лео так удивлен, что Роул уступает нам лучшее место в доме, что его глаза похожи на блюдца. Он хоть и мал, но знаком с иерархией и понимает, чем выше твой титул, тем больше благ тебе положено, — вы же герцог!
 Роул садится перед Лео и берет его за плечи, доверительно глядя в лицо мальчику.
 — Прежде всего я мужчина. А долг мужчины – забота о женщине. Верно?
 — Верно, — соглашается малыш и смотрит на меня, — спокойной ночи, мам!
 — Спокойной ночи, мой герой! — обнимаю сына и со спокойной душой отправляю их с Роулом устроиваться. У меня не возникает ни малейшего сомнения о том, что герцог позаботится о нем.
 Стоит головой коснуться подушки, как я улетаю в сон. Даже звуки ночных животных не могут держать меня в напряжении, я отключаюсь надолго, пока Тэя не будит меня, чтобы попросить воды.
 Догорающий огонь в камине дает мало света, но его хватает, чтобы безошибочно найти кувшин и кружку. Сделав пару глотков, Тэя замирает, и я слежу за ее взглядом.
 На самом краю узкой кровати спит герцог. Одна его рука убрана под голову, другая задрана вверх. А рядом с ним у стены ровно в такой же позе спит Лео.
 — Они так похожи! — смеется сонная малышка, а мне снова не до смеха. Слезы наворачиваются, — вот бы нам такого папу как герцог!
 — Тэя! — шикаю на нее, замечая, как вздрагивают веки Роула. Если он не спит и все слышит, то это фиаско.
 — Он хороший!
 — Ты напилась? Давай-ка спать! — отправляю девочку обратно и во тьме слежу, как она ложится в кровать.
 Наливаю себе воды, и залпом выпиваю до дна. Сна после этих заявлений ни в одном глазу. И дышать как-то резко становится нечем.

Отодвигаю плотную занавесочку и выглядываю в окно. Луна светит так ярко, будто и не было ни туч, ни грозы. Ставлю кружку, стараясь не издавать громких звуков, и на носочках выхожу на крыльцо.
 Ночное светило делает черный лес не таким страшным. Голубое сияние будто погружает его в сказку, делая меня одной из ее героев. Глубоко вдыхаю влажный прохладный воздух и думаю о том, что для полной картины не хватает лишь прекрасного принца. Но ведь сегодня исполняются все мои желания...и дверь за спиной издает короткий скрип.
 Я прикрываю веки и перестаю дышать. Все мое тело вибрирует от напряженного ожидания, но в то же время кровь превращается в сладкую патоку и наполняет эндорфинами каждую клеточку тела.
 — Анна, — Роул становится позади меня. Спиной я чувствую жар его тела и мне кажется, что его руки вот-вот лягут на мои плечи, — вы дрожите! Вам холодно!
 Я обнимаю себя руками и поджимаю губы, чтобы не засмеяться. Мне не холодно! Я из-за тебя дрожу, глупец!
 Не раздумывая, он притягивает меня к себе и оплетает горячими руками, и когда наши тела соприкасаются, слышу долгий вдох, будто он наслаждается ароматом моих волос. Перекрещенные на моей груди руки не дают дышать, но я терплю, потому что не хочу разрывать этих объятий. Я только сейчас понимаю, как же скучала по ним все эти годы. Кажется, что, если я умру от недостатка кислорода, это будет самая счастливая смерть на свете, и я замираю и наслаждаюсь.
 В голове вертятся строчки из женских романов, что я утаскивала из маминой библиотеки и украдкой читала под одеялом, хихикая над описанием любовных сцен.
 Его дыхание опаляло нежную девичью шею, мускусный аромат страсти будоражил кровь, а алчные руки до боли стискивали прозрачную кожу. Трепетная грудь Сюанны ждала, когда же она окажется под натиском мужской страсти...
 И вот теперь, в момент, когда мое тело звенит от желания, я чувствую то же самое и мне уже не до смеха.
 Роул разворачивает меня лицом к себе, и я невольно всхлипываю, резко вдыхая воздух. Смотрю на его красивое лицо, думаю о том, что ночные тени делают его еще мужественнее. Мне так хочется провести подушечками пальцев по щекам, почувствовать колкую щетину, зарыться руками в волосы на затылке и притянуть его к себе...
 Будто читая мысли, он наклоняется ко мне, чтобы поцеловать, и я тянусь навстречу. Время останавливается...Я приоткрываю губы...
 — Мам? — слышится из домика, и детский голос вырывает меня из сна, — мамочка, ты где? Мне страшно! — скулит Тэя.
 Роул беззвучно смеется, трет лицо и качает головой, с легкостью принимая то, что нам помешали в самый неподходящий момент. Я же, не глядя на него, убегаю в дом, заскакиваю на кровать, придвигаюсь к дочери и закрываю глаза. Будто не было ничего этого! Будто я спала, и все это приснилось.
 Слушаю дыхание малышки и пытаюсь понять, что происходит снаружи. Роул еще некоторое время стоит на крыльце, но минут через десять все же возвращается в дом и ложится на скрипучую кровать. Интересно, он ждал, что я выйду? Или просто дышал свежим воздухом?
 Ругаю себя за эти мысли. Нельзя мне думать о нем в этом ключе! Для него мы всего лишь развлечение, способ разнообразить скучные будни. И, если бы мы и занялись любовью, вряд ли он воспринял это всерьез. Таких как я у него десятки. Все-таки, хорошо, что Тэя проснулась, ведь случайности не случайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.